

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ПЕРЕЛОМ 1917 ГОДА

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КОНТЕКСТ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ИССЛЕДОВАНИЯ
И МАТЕРИАЛЫ

МОСКВА
ИМЛИ РАН
2017

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
по проекту № 15-34-12003, не подлежит продаже*

Рецензенты

доктор филологических наук В.А. Келдыш
доктор филологических наук О.А. Клинг

ПЕРЕЛОМ 1917 ГОДА: революционный контекст русской литературы. Исследования и материалы / Отв. ред. В.В. Полонский, ред.-составители В.М. Введенская, Е.В. Глухова, М.В. Козьменко. — М.: ИМЛИ РАН, 2017. — 864 с.

В первой части книги — «Исследования» — представлен ряд проблемных статей, осмысляющих деятельность русских писателей в новых институциях, культуртрегерских и студийных начинаниях ранних советских лет; неизвестные страницы истории отечественной периодики революционной поры; сдвиги в восприятии классического отечественного литературного наследия, обусловленные историческим словом 1917 года; мотивно-образную динамику в литературных отражениях исторических событий; перенос модернистских моделей и духовных практик на новую культурную почву и т.п.

Во второй части — «Материалы и публикации» — в числе прочего впервые с научным аппаратом даны фундаментальные своды малоизвестной публицистики Д. Мережковского и Вс. Иванова, неизвестные архивные материалы В. Брюсова, Л. Андреева, В. Муравьева и др., цикл статей «На Перевале» А. Белого, а также источники, раскрывающие его деятельность во «Дворце Искусств», неизвестная инсценировка поэмы Блока «Двенадцать», обзор франкоязычной критики Андрея Левинсона, посвященной литературно-революционным сюжетам, документы антропософов раннего советского периода и мн.др.

Книга рассчитана на исследователей-филологов и представителей иных гуманитарных дисциплин, а также широкий круг читателей, интересующихся современным научным осмыслением темы «Русская революция 1917 года и литература».

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ В 1917–1918 гг.:
«ПРИНЯТИЕ РЕВОЛЮЦИИ»

Первая Мировая война сформировала у Андрея Белого, как и других участников группы «Скифов», отрицательное отношение к «старому миру» капиталистической Европы. Это восприятие дополнялось у Белого концепцией кризиса всех областей жизни, начиная с духовной, интеллектуальной и особенно важной для писателя языковой сферы. Любая политическая идеология понимается Белым как формальность, приводящая к войне. Революция несла с собой надежду на обновление, выражаемую Белым как в символах космической метаморфозы, так и рождения или воскресения. Мир будущего, обновленный через трагедию и раскаяние, Белый понимал как аполитичный и свободный не только от идеологий, но и от приводящего к ним способа мышления; в социально-экономическом плане он строится на свободной ассоциации. В последнем была близость «Скифов» к программе партии левых социалистов-революционеров, после поражения которой и установления диктатуры большевизма Белый констатирует преждевременность своих надежд.

The First World War formed a negative attitude towards the “old world” of capitalist Europe in Andrei Bely, as well as in other members of the “Scythians” group. This perception Bely supplements with the concept of a crisis in all areas of life, beginning with the spiritual, intellectual and especially important for him sphere, — that of the language. Any political ideology is understood by Bely as a formality leading to war. The revolution carried with it the hope of renewal, expressed by Bely both in the symbols of cosmic metamorphosis, and in symbols of the birth or resurrection. The world of the future, renewed through tragedy and repentance, Bely understood as apolitical and free not only from ideologies, but also from the way of thinking leading to them; in socio-economic terms, it is built on free association. In the latter was the closeness of the Scythians to the program of the Left Socialist Revolutionary Party, after the defeat of which and the establishment of the dictatorship of Bolshevism, Bely ascertains the prematurity of his hopes.

Ключевые слова: Андрей Белый, Октябрьская революция, Февральская революция, «скифы».

Keywords: Andrei Bely, October Revolution, February Revolution, “The Scythians”.

При кратком перечислении реакции русских писателей на революцию нередко говорится, что Андрей Белый и Александр Блок, входившие в возглавляемую Р.В. Ивановым-Разумником группу «Скифы», революцию «приняли»; главные памятники этого — поэма «Двенадцать»¹ для Блока и поэма «Христос воскрес»¹ для Белого. Можно рассмотреть подробнее, как происходило это «принятие» и что именно Белый принимал в революции.

Какое-то грозное и торжественное ожидание, связанное с родиной, куда он недавно (в конце августа) вернулся после нескольких лет жизни в антро-

пософской коммуне в Швейцарии, звучит еще в написанном в октябре или ноябре² 1916 г. стихотворении «Родине»:

...Произрастай, наш край родной,
Неопалимой блеском молний,
Неодолимой купиной.
Из моря слез, из моря муки
Судьба твоя — видна, ясна:
Ты стираешь ввысь, как руки,
Свои святые пламена —
Туда, — в развалы грозной эры
И в визг космических стихий, —
Туда, — в светлеющие сферы,
В грома летящих иерархий.

Характерно сочетание чрезвычайно драматической тональности («Из моря слез, из моря муки») с безусловным сочувствием «родному краю» и утверждением его не только всемирной, но даже космической роли; в таком ключе Белый будет воспринимать революцию и дальше. В это же время (24 октября 1916 г.) Белый читает публичную лекцию «Драма жизни» [М.З. 1916; ср.: Белый 2016, с. 429, 666, 695, 709]. «С заражающим внутренним волнением передал Андрей Белый это сознание *идущей беды*», — описывает лекцию газета «Утро России». «Такова самая трагическая задача. Лектор обрисовал ее с большою остротою, являя собою прообраз того взрыва, того вихря, о котором говорила его лекция», — вторят ему «Русские ведомости» [Б.п. 1916]³.

Драматическая тема усиливается в лекции «Творчество мира», с которой Белый выступал 1 декабря; газета «Утро России» передавала ее содержание так:

Кругом человека летят мертвые обломки мира. И он распинается между мертвыми вещами и понятиями и проходит Голгофу. Но в конце пути его ждет воскресение, но только тогда, когда он сам добровольно повторит акт искупления подвигом творчества мироздания внутри себя.

Андрей Белый (...) весь катастрофичен, и каждый его жест сигнализирует о надвигающейся катастрофе над миром. Мир омертвел и рухнет [М.З. 1916].

Тема «Родины», взывающей в своих страданиях к космическим силам, переходит в лирике Белого к середине декабря в тему прямого ожидания восстановления — в стихотворении «Декабрь 1916 года»:

Встань, возликуй, восторжествуй, Россия!
Грянь, как в набат, —
Народная, свободная стихия
Из града в град!

Написанное 18 декабря 1916 г. (так оно и называется в одном из автографов), стихотворение, конечно, имеет непосредственным поводом произошедшее накануне, 17 декабря, убийство Григория Распутина [Белый 2006, т. I, с. 620], но интерпретация кулуарно-криминального скандала как удара набата, зовущего к народному восстанию, — дело автора.

Ноты революционного митинга, манифеста, зовущего к преобразованию действительности, слышны в произнесенной Белым лекции «Жезл Аарона», которую он составляет, а потом перерабатывает в трактат в январе — феврале 1917 г.⁴ Повторяющаяся в лекции своего рода рефреном строка Пушкина «Да здравствует Солнце, да скроется тьма»⁵ по прямому контексту «Жезла Аарона» означает не более чем восстановление употребления языка в изначально свойственном ему единстве образного и рационального. Но Белый считает наличествующий «кризис слова»⁶, т.е. разрыв его категориально понятого смысла и натуральной данности («формы»), если не причиной, то во всяком случае непременным условием современного «кризиса жизни» и «кризиса сознания» («Кризис жизни» — название статьи, а затем книги Белого; «Кризис сознания» — название книги, в которую должна была войти большая часть написанного им в 1917 г., см. подробнее [Торшилов 2013]); а значит, преодоление этого кризиса есть и преодоление всего современного уклада жизни, его гибель и возрождение к лучшему, подобное восстановлению «первобытно-общинного коммунизма» в грядущем «коммунизме». Ведь антропософская община в Дорнахе, в которой рафинированные интеллектуалы со всех концов Европы переквалифицировались в плотников и маляров на строительстве «Иоаннова здания», — это строящая светлое будущее трудовая коммуна, мечта марксистов; и в этом смысле Р. Штейнер и К. Маркс при всей декларируемой противоположности их ценностей — весьма схожие друг с другом представители философии позднего немецкого романтизма. В революционную Россию, в скором времени устремившуюся к воплощению эсхатологии марксизма, Белый приехал из этой трудовой коммуны, воплощавшей учение Штейнера. Но для него лично общие этому течению мысли, эсхатологические чаяния, чаяния «революции» или иного полного *преображения* действительности, относятся прежде всего к его работе с языком, и вся остальная часть «Жезла Аарона» посвящена исключительно тому, что сам он называл «теорией слова», т.е. градации дисциплин от философии языка до практики формального анализа произведения словесности. Вопросы анализа стихотворной формы были актуализированы для Белого в это время, помимо прочих причин, еще и потому, что перед этим, осенью 1916 г. он закончил для издательства В.В. Пашуканиса сборник «Зовы времен», переделку своей лирики, именно ту, впоследствии пропавшую при аресте В.В. Пашуканиса переделку, которую сам считал удачной (см. подробнее [Торшилов 2011, с. 89]).

«Теорией слова» Белый продолжает заниматься и на протяжении всего революционного года. Во время Февральской революции он заканчивает по-

священный метрике трактат «О ритмическом жесте» и отмечает это в предисловии к «Кризису сознания»⁷:

Я кончал свою книгу работою о ритмическом жесте... и — вдруг: каков жест!

Я внимательно изучал на бумаге мир линий. И — вдруг: оторвавшись от линий, попал неожиданно... в *линию* пулеметных огней, в ряд знамен, в проходившие толпы по улицам Петрограда: броневики, ошетились штыками, как громадные ежики, фыркали: проносились над толпами; на «ура» отвечало «ура»; колыхались знамена. Вспоминая свой письменный стол, улыбался себе самому: «Вот так жест! Вот так линия ритма!»

Поздравляю читателя: «С Новой эпохой!»⁸.

Дни Февральской революции, о которой здесь идет речь, Белый провел в Петрограде и в Царском Селе у Иванова-Разумника. В «Жизни без Аси», в записи за 28 февраля он пишет: «*Революция на улицах. Пять раз был под пулеметами. Беседа <...> у Мережковских. Солдаты снимают пулемет с дома Мережковских*» [Белый 2016, с. 666]. Цитированное предисловие кончается повторенным в публикуемых ниже «Весенних мыслях» рассуждением о необходимости «свержения царя»; но «царь» этот, утверждает Белый, — «в голове»; история повернет в благое русло, если будет преодолено категориально-логическое понимание смысла слов, если будет свергнут «самодержавно-абстрактный режим в голове»; мировое преображение должно начаться с революции в области языка и мышления. И больше к проблемам политики Белый ближайшее время не возвращается, начиная работу над гносеологическим трактатом «О смысле познания», посвященным «свержению» кантианской догмы о мышлении.

Его восприятие происходящего в это время оптимистично, но далеко от политической конкретики; всё же в разговорах со знакомыми, как следует из «Ракурса к дневнику» [Белый 2016, с. 435], в апреле, мае и в июне, Белый вместе с А.С. Петровским, М.О. Гершензоном и Т.Г. Трапезниковым занимал всё более левую, почти большевистскую позицию. Политические предпочтения в это время даже определяли (и, конечно, сужали) круг общения. «Мой лозунг — ”Долой война”», — пишет Белый; революция для него — ответ на Первую мировую, из-за которой «скифы» и отвернулись от «старого мира», «Европы».

5 мая 1917 г. он пишет Р.В. Иванову-Разумнику:

...тезис моей мысли: «*Взыгрался младенец во чреве*»... России. Может умереть мать: младенец будет жив на удивление всему миру; может умереть он; и — выживет мать. Может быть, будут живы и мать, и младенец. Младенец — «*мировой*», новая культура <...>; в случае жизни матери и смерти новорожденного — старая культура (Нео-Китай, Нео-Атлантида); в третьем случае: Россия, как ряд федераций, явит миру новые формы жизни вплоть до социальной. Словом, Россия хочет: «Я б для батюшки царя / Родила б богатыря». Батюшка-царь — Царь Небесный: он и будет русским царем: Невидимым [Белый — Иванов-Разумник 1998, с. 111–112].

В письме Иванову-Разумнику от 17 мая он повторяет свой тезис о преобразении мышления:

Мне всё более и более становится ясным, что трагедия нашего положения есть трагедия абстрактного дневного сознания, долженствующего жертвенно сойти в ночную стихию черноземной, астральной плоти народа, дабы... из соединения бесплодной доктрины с плотью народа родилось в России иное, живое сознание: Манас, Дух. Но... «царь в голове», абстракция, пугается хаоса: отступает в ужасе: «О, страшных песен сих не пой» [Белый — Иванов-Разумник 1998, с. 113].

28 мая 1917 г. Белый все-таки публично высказывается на актуальную политическую тему — он выступает в Клубе московских писателей⁹; в июне он перерабатывает выступление во вскоре вышедшую брошюру «Революция и культура» [Белый 1917–1]. Оправдывая свое политическое бездействие, Белый ссылается на пример Вагнера, искренне воодушевленного революцией 1848 г., но не примкнувшего ни к какой партии [Белый 1917–1, с. 7]; дело художника — «слушать музыку революции» (эта ставшая знаменитой лаконичная формулировка Блока из написанной 9 января 1918 г. статьи «Интеллигенция и культура» явно вторит обширным пассажам о неслышимой простым ухом музыке из «Революции и культуры» [Блок 1918]). Тем же объясняется временный отказ от художественного творчества: «музыка революции» только прообразует форму, услышанное в ней только потом может кристаллизироваться художественной формой. В самом деле, на протяжении 1917 г. Белый почти не пишет даже стихов (всего 7 стихотворений), а к художественной прозе, оставленной им после завершения «Котика Летаева» в 1916 г., вернется только в 1918 г. (рассказ «Человек» и ранние версии «Записок чудака»); но к музыке, и, конечно, именно к музыке языка, он скоро вернется, начав работу над «Глоссолалией»¹⁰.

Закончив «Революцию и культуру», Белый жалуется Иванову-Разумнику на то, как он устал от Москвы, от политики и от бесконечных (и бессмысленных) разговоров о политике [Белый — Иванов-Разумник 1998, с. 124]; он удаляется в деревню и возвращается к занятиям теорией слова, конкретней — к анализу эвфонии стихов Блока, которой он занимался в 1916 г. «Хочется отозваться на *звук речи* времени, а не на смутно-грохочущий, нечленораздельный гул» (курсив наш. — Д.Т.), — пишет он Иванову-Разумнику [там же]; и одновременно ему хочется написать «о том, о чем не пишет никто»¹¹. Так формируется замысел работы о звуках речи, завершенной под названием «Глоссолалия» (в процессе работы она называлась «О космическом звуке») и охарактеризованной самим автором как «совершенно безумная, левей футуризма» [Белый — Иванов-Разумник 1998, с. 136] и одновременно как «лучшая из написанных мной поэм»¹². В Демьяново и в Поворовке, в начале работы над звуком, Белый снова начинается писать стихи, — это последнее в его творчестве стихотворение с воспоминанием о временах счастья

с А.А. Тургеневой¹³, а затем — близкая к образности «Глоссолалии» «Карма» [Белый 2006, т. I, с. 383–387], в которой поэт принимает неизбежность предрешаемого именно сейчас будущего:

Приемлю молча жребий свой,
Поняв душою безглагольной
И моря рокот роковой,
И жизни подвиг подневольный.

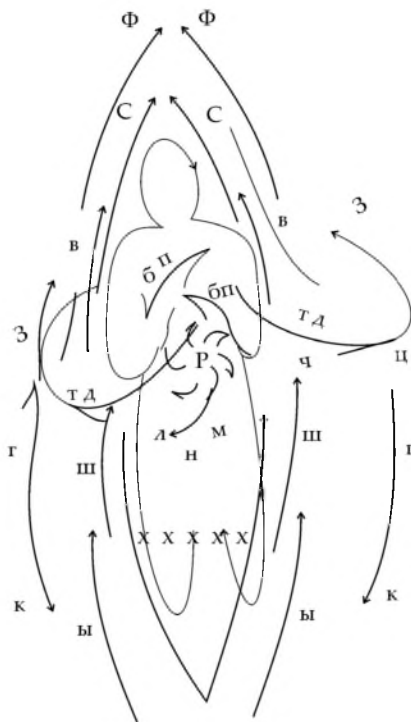
Именно фигурирующая в стихотворении «тысячелетняя старуха» или «злая, лающая Парка», т.е. судьба (на антропософском языке — «карма»), и «пробормотала целую поэму о звуке», как писал автор в альбоме Н.А. Григоровой [Белый 2006, т. I, с. 615]¹⁴.

Мы — роковые глубины,
Глухонемые ураганы, —
Упали в хлынувшие сны,
В тысячелетние туманы.
И было бешенство огней
В водоворотах белой пены.
И — возникали беги дней,
Существований перемены.
Мы были — сумеречной мглой,
Мы будем — пламенные духи.
Миров испепеленный слой
Живет в моем проросшем слухе.

Падение в «хлынувшую»¹⁵ влагу «лунного периода» огненных «ураганов» и вихрей периода «солнечного», бывших еще раньше, в период «Сатурна», «сумеречной мглой», — стержень образного сюжета «Глоссолалии», слышимый «проросшим» ухом автора в медитации над фонетикой языка. Встреча противоположных стихий, «бешенство огней в водоворотах», размещенное в «поэме о звуке» на переходе от «Солнца» к «Луне», определяет будущие судьбы, «карму». Когда в «Глоссолалии» видят рассказ об образных интуициях вещественной вселенной, «*космогоническую симфонию*» [Яковлев 2012, с. 73], это имеет все основания, но одновременно «Глоссолалия» — поэма о творении земного человека, описание того, как «опускали нас духи на землю из воздуха звука» [Белый 2009, с. 19]; это особенно ясно в одной из ее первоначальных редакций, «Безрукой танцовщице», а в итоговой версии «Глоссолалии» — в начальных и конечных главках, обрамляющих развившееся позднее космогоническое повествование. Образ этого рождающегося заново или возрождающегося на Земле «человека» связан у Белого с образом «божка», которого «клали в рот мумии», своего рода человека-языка,

или египетского бога Гора (сына Осириса, родившегося после его смерти); этот образ проходит через несколько произведений Белого этого периода: им должна была завершаться незаконченная статья об аллитерациях Блока¹⁶, он фигурирует в ранних версиях «Глоссолалии»¹⁷ и как бы обрамляет написанную после нее, в последние месяцы 1917 г., статью о Вячеславе Иванове [Белый 2015, с. 405–406, 440]. Этого человека, сложенного из летящих неким смерчем звуков, Белый неоднократно рисовал в процессе работы; приведем один из вариантов¹⁸.

«Глоссолалия» была закончена прямо накануне Октябрьской революции¹⁹. Звуки, которые, согласно как обыденному взгляду, так и научной лингвистике, лишены смысла, принадлежащего только более высокопоставленным единицам языка — морфемам, словам, фразам, — звуки, которые только эксплуатируются этими «классами» для выражения принадлежащего не им смысла, становятся в поэме Белого его производителями и основными носителями, как Марксовы пролетарии, которые производят весь общественный продукт, но которым нечего терять, кроме своих цепей; в «Революции и культуре» Белый так сближает звук и «пролетариат» (собственно, на приведенном рисунке изображен «пролетарий», как его понимал Белый):

Пролетариат по учению социалистов есть класс среди классов; и однако в нем — выход из классовой градации общества; его миссия утопить уплотненные продукты труда (капиталы) в процессе труда. Так и музыка: она форма среди форм; и однако в ней выход за форму; ее миссия утопить уплотненные продукты творчества (формы искусств) в изображении самого процесса творчества [Белый 1917–1, с. 28].

«Кто был ничем, тот станет всем», строка из «Интернационала», еще не объявленного гимном революционной России, вполне подходит для звуков, описанных в «Глоссолалии». Идеалом дорнахской коммуны был интернационализм, но Первая Мировая подвергла его суровому испытанию (см.

подробней [Глухова — Торшилов 2014]); революционный идеал снова интернационален, и «Глоссолалия» заканчивается отождествлением ожидаемой под лозунгами «Интернационала» всемирной революции с преодолением «кризиса слова» через внутреннюю метаморфозу языка и даже со вторым пришествием Бога-Слова:

Да будет же братство народов: язык языков разорвет языки; и — свершится второе пришествие Слова [Белый 1922–1, с. 131].

После окончания «Глоссолалии», в ноябре и декабре 1917 г., Белый пишет несколько связанных с ней стихотворений; это не слишком удачное, пытающееся работать со звуками формально «Утро» [Белый 2006, т. I, с. 403] (стихотворение построено на том, что в каждом четырехстишии повторяется один и тот же ударный гласный, а вместе они складываются в «градацию» (как часто выражался Белый) «и-е-а-о-у»; такие механически проведенные эксперименты весьма редки в его творчестве. Зато стихотворения «Слово» и «Я» [Белый 2006, т. I, с. 397, 400] говорят о совсем других результатах; первое чрезвычайно кратко описывает содержание «Глоссолалии», — конденсацию «земель» и «суш» (т.е. материков) из «летающего из гортани» дыхания говорящего, — и заканчивается:

И грядущего
Рая —
Твердеет гряда,
Где, пылая, сторая,
Не преиду: никогда!

Белый не написал своей вариации на тему горациевского «Памятника» (что сделал, например, Брюсов); «Слово» — самое близкое к этой теме его высказывание. Бессмертие поэта в слове — не свершение, которым он вправе гордиться, и обусловлено оно не чеканностью формы, как это происходит у Горация, Державина, Брюсова; оно обеспечено даже не нравственной высотой поэта, как у Пушкина; его фундамент, лежащий глубже уровня индивидуальных человеческих заслуг, — природа самого языка, дочеловеческая и формирующая человека («опускающая его на землю из воздуха звука»), «Неопалимая купина», просиявшая автору в год революционного взрыва. Другое стихотворение этой осени, «Я», говорит об ожидании весны и воскресения; его концовка «Ты еси на не-бе-си», в которой два последних слога («бе-си») оказываются лишними относительно четверостишия, как бы добавленными и подразумеваемыми, что читающий вместо привычного интонационного закругления и завершения строфы неожиданно переходит в торжественный неметрический церковный речитатив, может быть, не слишком удачна (и в переработке, входящей в «Зовы времен» [Белый 2006, т. II, с. 363], Белый эту

«ошибку» устранил), но предвосхищает даже метрику (а не только тематику) написанной весной поэмы «Христос воскрес».

Осуществленная в «Глоссолалии» работа над звуками речи не должна дать автору никаких формальных рецептов эвфонического построения стиха; нет, результатом медитативного вслушивания в фонетические вихри является специфическое знание о сердцевине языка, дающее поэту уверенность в том непреложном и возрождающем, что заключено в ней.

28 декабря Белый (или Иванов-Разумник по собственному усмотрению, см. ниже) печатает в эсеровской газете «Знамя труда» (№ 105) эссе «Рождение в ясли»; младенец, которого «эвритмиею опускали духи на землю», восстания которого из мумии автор ожидает в финале статьи «Вячеслав Иванов» [Белый 2015, с. 440], в «Рождении в ясли» благополучно рождается, и оказывается, что именно его рождение предвещали все громы Мировой войны и революции, а всеобщий испуг объясняется тем, что младенец слишком необычен. Напечатанное в рождественские дни эссе позволительно понимать и как простое поздравление с Рождеством или как описание личных переживаний²⁰, но именно этот текст, расширенный несколькими главками, связывающими его с поэзией Клюева, вошел во второй номер «Скифов» под названием «Песнь солнценосца» и в этом контексте однозначно воспринимался как скифское «принятие революции».

В письме Иванову-Разумнику от 4 января 1918 г. [Белый — Иванов-Разумник 1998, с. 148–149] Белый с большим сомнением говорит о своем участии в левоэсеровском издании (т.е. в «Знамени труда») из-за его близости с правительством (в основном большевистским); в отличие от «Скифов», участие в «Знамени труда» было для Белого сюрпризом. Но в письме от 17 января [Белый — Иванов-Разумник 1998, с. 153] он уже соглашается, будучи успокоен участием в газете многих других писателей. Даже если первая публикация («Рождение в ясли») в левоэсеровском издании была предпринята Ивановым-Разумником без ведома автора, это не меняет смысла ее символики, о которой Белый помнил и дальше, когда толковал те же образы уже с отрицательным знаком²¹.

Взаимоотношения поэтов, привлеченных Ивановым-Разумником к левоэсеровской печати, и самой партии эсеров подробно рассматриваются в книге Я.В. Леонтьева [Леонтьев 2007]: с одной стороны, «ни Блок, ни Белый, ни Клюев, ни Есенин никогда не разделяли никаких программ, никогда не прислушивались ни к каким манифестам: они были всегда только поэтами, только певцами»²². Бесспорно, что собрала их вместе во всех «скифских» и в левоэсеровских изданиях только энергичная деятельность Иванова-Разумника, а свою независимость от «партийной программы» подчеркивал даже он сам, будучи при этом избран в ЦК ПЛСР. С другой стороны, как пишет Леонтьев, «общественно-политическая самоидентификация поэтов была делом их личного выбора, и они, несомненно, отдавали себе отчет в том, на какой стороне баррикад оказались» [Леонтьев 2007, с. 308–309]. Нужно еще отме-

титель, что кажущееся парадоксальным сочетание индивидуалистской свободы и партийного объединения не являлось чертой только примкнувших к левозэровским изданиям беспартийных поэтов, но было свойственно и всей «Партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов)»: возникнув как внутривнутрипартийная оппозиция весной 1917 г., она никогда не была партией «ленинского типа» («сжатой в единый громящий кулак») и не понимала партийную дисциплину таким образом, но понимала как свободное волеизъявление членов партии; сутью экономической программы партии левых эсеров также была самоорганизация и ассоциация кооперативов в масштабе всей страны и далее — мира, — ведь партия подчеркивала свой интернационалистский характер даже в названии. Это не была программа, которую Белый, далекий от политики, выдвинул бы сам, но это была такая программа, которую он осознанно разделил. Наконец, необходимо добавить, что гимны революции в его творчестве больше не встречаются после фактического разгрома партии левых эсеров большевиками летом 1918 г. и ликвидации сложившейся в конце 1917 г. двухпартийной системы, после того, как наступила фактическая диктатура единственной партии — РСДРП(б).

Конечно, как писал Белый в предисловии к берлинскому собранию стихотворений 1923 г., «мотивы индивидуальной мистерии преобладают в “Христос воскрес” над мотивами политическими» [Белый 2006, т. II, с. 539]; но эту индивидуальную мистирию в поэме предлагается пережить каждому, а сам марксизм тоже является эсхатологическим учением, проповедующим чудесное, мистериальное преобразование человека и человечества в революции. Чтобы понять ироническую характеристику, которую в 1917 г. Белый дает своей явленной обществу личности, «Леониду Ледяному» (от лица которого впоследствии будут написаны «Записки чудака»), называя его «не Нитче и не Фритче, а что-то среднее меж них»²³, полезно вспомнить, кто такой упомянутый Владимир Максимович Фриче (1870–1929) — член партии большевиков с 1905 г., весьма образованный человек и тонкий литературовед, и при этом активный правоверный марксист на протяжении всей своей деятельности.

О встрече Нового 1918 г. Белый пишет в «Ракурсе к дневнику»: «*Радостный и полный веры переход в 1918 год*» ([Белый 2016, с. 438]; курсив автора). В начале января он работает над странным отрывком «Человек», произведением незаконченным и чрезмерно противоречивым даже для Андрея Белого, но очень характерным по содержанию для периода его размышлений после «Глоссолалии». Диссонирующим его делают прежде всего умещенные на нескольких страницах, но трудносовместимые и не сплавленные в единство жанровые элементы. Одна из жанровых составляющих «Человека» — несвойственная Белому, но очень свойственная в дальнейшем революционному периоду русской литературы футурологическая научная фантастика; рассказ предсказывает развитие человечества на пять веков вперед: период катастроф, по Белому, еще вовсе не кончился; многие существующие народы не сохранятся, а в XXII в. будет еще и такая катастрофа, в которой погиб-

нут все или большинство сокровищ европейской культуры. Одновременно «Человек» — имитация средневековой хроники; ведь рассказ ведется из грядущего «Нового Средневековья» XXV в., из антропософской, а не марксистской эсхатологической утопии, — и эта не слишком тщательная попытка стилизации под лапидарность хрониста ведет к несколько неестественным и неуклюжим для Белого выражениям. С футурологической фантастикой и имитацией хроники соседствует и фантастика религиозно-окультурная, и элементы драматического психологизма в духе реализма XIX века, и вовсе не связанная сюжетом патетическая лирика в прозе, схожая с симфониями, исконным жанром Белого, или с «Глоссолалией».

Но эта противоречивость жанра и стиля только отражает противоречивость содержания. Нет сомнений, что «человек» — это герой «повести» и что он в значительной степени автобиографичен («события эпохальные крались скрытнейшими переживаниями в нем»), хотя напоминает он скорее «Леонида Ледяного», как тот описан в цитированном выше стихотворении или в послесловии к начатым вскоре «Запискам чудака», чем «Андрея Белого» или Бориса Бугаева²⁴; это Белый как публичная фигура, Белый глазами постороннего или кто-то с аналогичной во многом судьбой и интересами. С одной стороны, в начале рассказа повторяются торжествующие символы «рождения солнценосца в ясли» и даже говорится о «соединении воедино двух тайн: рождения в ясли и — воскресения в жизнь»; начало и конец вообще полны радостной, но несколько беспредметной лирикой и прямыми пересказами «Глоссолалии»; но при этом не только человечеству автор сулит упомянутые грядущие беды, но и персонажу, безымянному «человеку», обещаются только непонимание, неудачи, незаслуженная гибель от рук революционной толпы и потом — забвение и гибель всех свидетельств о нем; только исследователи Лазурного Братства XXV в., использующие «духовные методы исследования» (т.е. читающие, по Штейнеру, «Акаша-хронику»), обнаружат его и посочувствуют. Всё же кончается рассказ радостным приветствием будущему, хотя остается неясным, можно ли найти причины этой радости в чем-то, помимо принятия грядущего самого по себе²⁵.

Желающий может искать такие причины в обретенном понимании смысла истории или смысла себя самого, или в причастности к Лазурному братству. Из более практических причин можно назвать ожидание скорого конца мировой войны (а значит — начала «братства народов»), которое упомянуто в начале «Человека» и как бы задает общую диспозицию: из всех общественных движений Европы только часть социалистического II Интернационала на упомянутой в рассказе Циммервальдской конференции высказалась в начале Первой мировой против нее, тогда как большая часть даже социалистов и коммунистов встала на «патриотические», т.е. милитаристские позиции. В самом деле, приближение конца Первой мировой было видно в 1918 г., а то, что Россию ожидает еще более страшная для нее Гражданская, было пока неизвестно. Партия большевиков сделала III Интернационал обязательной

частью своей программы только в конце 1918 г., через полгода после того, как Белый приветствовал его в «Христос воскрес» и сделал одним из главных символов возрождения.

«Человек» также был опубликован в «Знамени труда» (1918. № 2), и Белый в 1919 г. собирался его закончить (он озаглавлен как «предисловие к повести») ²⁶, хотя ясно, что реальное произведение, к которому «Человек» явился предварением, — это «Записки чудака». Одновременно в нем уже ясно читается комплекс тем «Христос воскрес», над которым Белый будет работать только через два месяца.

За это время Белый выступает перед антропософами с лекцией «Свет из грядущего» ²⁷, пишет статью «Священная Россия» ²⁸ и цикл лирики весьма нежных и радостных тонов. «Свет из грядущего» возвращает нас к темам трактата «О смысле познания» и объясняет крушение старого мира старым пониманием соотношения человека и мира, выразившимся в кантовской гносеологии; в рождающемся новом мире всё будет не так. «Священная Россия» в патетических тонах приветствует «взрыв Петровой империи» в надежде на обновление; революция опять описывается как смерть и воскресение и одновременно как родовые муки, и это подкрепляется обильной псевдоэтимологической языковой игрой в стиле «Глоссолалии», которая здесь, в отличие от «поэмы о звуке», оказывается причастна тенденциозности и желанию доказать идеологический тезис, чего не выдерживает и девальвирует.

Цикл лирики весны 1918 г. начинается с февральского стихотворения «Антропософии» («Твой ясный взгляд, в нем я себя ловлю...») [Белый 2006, т. I, с. 405], которое Белый впоследствии называл самым любимым им самим из всех его стихов [Андреев 1995, с. 303–304] и которое посвящено, согласно признанию из «Ракурса к дневнику» ²⁹, вовсе не только и не столько антропософии, сколько его будущей жене К.Н. Васильевой. Вероятно, то же относится и к стихам февраля — июня с близкими названиями и темами: «Антропософам» («Мы взлетаем в мирах неразвеванный прах...»), «Голубь» (иногда «Весть весенняя»), «Антропософии» («Из родников проговорившей ночи...»), «Антропософии» («Над ливнем лет...»), «Сестре» (или «Антропософии»), «Слышу вновь Твой голос голубой...»), танкам «Встречный взгляд» и «Крылатая душа» [Белый 2006, т. I, с. 408, 410–412, 398, 401–402]; все они написаны в одной теплой и ликующе-восторженной, местами торжественной манере.

От них не отличаются по тону стихи, обращенные не к «антропософии», но к «России», — «К России» («Россия — Ты?.. Смеюсь и умираю...») или «Младенцу» («Играй, безумное дитя...») [Белый 2006, т. I, с. 397–398, 409]. Последнее вместе с «Голубем» Белый печатал как «политическое» в левоэсеровском «Нашем пути» ³⁰. «Наш путь», как его характеризует титульный лист, — «литературно-политический журнал революционного социализма», издававшийся «при Центральном Комитете партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов)» под редакцией Р.В. Иванова-Разумника,

Б.Д. Камкова и С.Д. Мстиславского. Первый номер открывался «Двенадцатью» Блока и содержал его же «Скифов», статью Иванова-Разумника «Испытание в грозе и буре» и стихи Белого — написанные в марте 1918 г. «Весть весеннюю» и «Младенцу». Приведем второе:

Играй, безумное дитя,
Блистай летающей стихией:
Вольнолюбивым светом «Я» —
Явись, осуществишь, — Россия!
Ждем: гробовая пелена
Падет мелькающими мглами;
Уже Небесная Жена
Нежней звездует глубинами. —
И, — оперяясь из весны,
В лазури льются иерархии;
Из легких крыльев лик Жены
Смеется радостной России.

Стихотворение словно откликается на образ беременной России из письма к Иванову-Разумнику от 5 мая 1917 г., повторяющийся в «Революции и культуре» [Белый 1917–1, с. 18]; теперь младенец (он же «человек») уже родился; так же мелькавшей там надежде на «невидимую теократию» вместо монархии откликается в «Весенних мыслях» идея об уже практически свершившемся «софийном» политическом устройстве. Во время сочинения этого цикла стихотворений Белый счел законченной свою «Звезду» (т.е. впервые после «Урны» счел состоявшимся этап своей лирической биографии) и тогда же, в мае 1918 г. подготовил ее к печати³¹ (а затем почти не писал стихов до «Первого свидания» в 1921 г.). В контексте мая 1918 г. название сборника ясно отсылает именно к красной звезде революции.

В это время Белый знакомится с «Двенадцатью» Блока (поэма первый раз была опубликована в «Знамени Труда» 18 февраля / 3 марта 1918 г., № 147). Об этом 27 февраля / 12 марта он писал Иванову-Разумнику: «...многое в “Знамени Труда” радует; огромны “Скифы” Блока; и, признаться, его стихи “12” — уже слишком; с ними я не согласен...» [Белый — Иванов-Разумник 1998, с. 159]. Самому Блоку он написал 17 марта, назвав «Скифов» «огромными и эпохальными» и вообще не упомянув «Двенадцати», однако добавив: «По-моему, Ты слишком неосторожно берешь иные ноты. Помни — Тебе не “простят” “никогда”...» [Белый — Блок 2001, с. 513]. Блок ответил: «Твое письмо очень поддержало меня, и Твое предостережение я очень оценил. Было (в январе и феврале) такое напряжение, что я начинал слышать сильный шум внутри и кругом себя и ощущать частую физическую дрожь. (...) Мне бы хотелось, чтобы Ты (и все Вы) не пугался “Двенадцати”; не потому, чтобы там не было чего-нибудь “соблазнительного” (может быть, и есть), а

потому, что мы слишком давно знаем друг друга, а мне показалось, что Ты «испугался», как 11 лет назад, — «Снежной Маски» (тоже — январь и снега)» [Белый — Блок 2001, с. 514].

Впрочем, вне контекста эпохи расслышать «принятие революции» в «Двенадцати» вообще нелегко; вероятно, для новейшего читателя эта поэма о мраке, холоде, разрушении и непонятной решимости, прочитанная без презумпций и без литературно-исторических справок, куда скорей может прозвучать как напоминание о беспросветном ужасе революции. Современники, участники событий, слышали, что в ней нет однозначного осуждения самих «двенадцати», нет нравственного приговора революционерам, и называли «принятием» революции именно это, и за это отсутствие приговора убийцам нравственный приговор выносился уже самому Блоку. Ужас этой революционной зимы — один из источников описанного Белым ужаса крестной смерти, но персонажи посвященной сегодняшнему дню половины поэмы Белого — не сами революционеры с их злобой, которую Блок называет «святой», а частные люди, застигнутые революцией, причем вовсе не противники ее и не виновники («эксплуататоры трудового народа»), но случайные жертвы (как и персонаж «Человека» — убитый революцией ее сторонник); персонажи «Христос воскрес» — это «заваливающий дровами ворота» домовый комитет или железнодорожник, убитый случайной пулей во время перестрелки; это его нечаянная жертва отвечает жертве Христа из первой, внеисторической части поэмы.

Само сближение Христа и революции имеет большие корни в русской (и не только) литературе; в качестве ярких примеров поэтов, не входивших в «скифский» круг, можно назвать Блеза Сандрара, еще в 1913 г. говорившего о «*grand Christ rouge de la révolution russe*», «великом красном Христе русской революции»³², или Валериана Бородаевского, встречавшего «Красную Пасху» 1918 г. призывом «украсить штыки розой» [Бородаевский 2011, с. 136–137]. Написанная перед той же Пасхой, в марте — апреле 1918 г. [Белый 2016, с. 442], поэма Белого начинается с отрывка, имитирующего ритмическими средствами колокольный звон (размер при желании можно описать как одностопный ямб, расширяющийся по мере развития темы в одностопный анапест, а к концу в имитирующий одиночные удары набата «молосс» со слоговыми наращениями³³); в этом звоне, данном языковыми средствами, можно расслышать весть о вечном воскресении. Мы уделяем значение метру потому, что Белый, мастер литературных «симфоний», в «Христос воскрес» отмечает разные темы разным ритмическим рисунком, и анализ ритма показывает строение и смысл поэмы³⁴.

Главки 2–7, посвященные собственно распятию Христа и снятию с креста, выдержаны в том аметрическом речитативе, который М.Л. Гаспаров вынужден был назвать «разновидностью рифмованной прозы» [Гаспаров 1982; Гаспаров 1988]: несмотря на чрезвычайную дробность стрококоразделов и повышенное по сравнению с любым традиционным стихом количе-

ство рифмующихся слов, в нем не прослеживается никакого предсказуемого метра и строфики; однако именно потому, что «никакие закономерности, позволяющие предчувствовать появление такой-то рифмы, здесь не уловимы» [Гаспаров 1988, с. 452–454], этот перенасыщенный неожиданными подтверждениями и фрустрациями читательского ожидания речитатив создает почву для развития в тот или иной размер, что происходит в дальнейших главах. Их метр не вводится неожиданно в чуждую ему прозу, но словно выкристаллизовывается из речитатива описания распятия. Потому рифма в этой части «Христос воскрес», конечно, «не имеет структурной, стихоорганизирующей, расчленяющей функции», как писал Гаспаров [Там же], но из этого вовсе не следует, что функция ее только «орнаментальная и фоническая». Функция и ее, и деления на строки, разбивающего синтаксический порядок пауз и задающего иной, в создании принципиально другой сравнительно с прозой языковой ткани, такой, по сравнению с которой размер может казаться упрощением, а не усложнением, как сравнительно с прозой. Белый в «Христос воскрес» почти меняет стих и не-стих местами: функцию речи сложной и торжественной, но при этом нейтральной, в поэме выполняет как раз эта «рифмованная проза» или «вагнеровский речитатив» (как он сам называл стих такого рода в предисловии к «Зовам времен» [Белый 2006, т. II, с. 170], в противовес «традиционной арии», т.е. классическим размерам), а многие другие функции — как речи лирической и одушевленной, так и речи свободной, безыскусной, имитирующей разговорность, — стихотворный размер. Ведь в революции, для Белого, «пролетариат» должен неким образом вместить в себя все классы, оставшись при этом таковым: так «проза», преобразованная повышением эвфоничности и актуализацией ритма, охватывает и инкорпорирует все классы-«размеры»³⁵.

В восьмой главке, переходящей к описанию следующей за смертью Христа разрушающей мира космической катастрофы, в «вагнеровском речитативе» понемногу начинает проглядывать размер: это трехударный дольник; в 9-й мы видим его во вполне выкристаллизовавшемся виде. Неожиданный переход к четырехстопному хорее отмечает неожиданный переход к современности в главке 10, но и в ее конце, и в следующей главке хорей рассыпается, возвращаясь к аметрическому речитативу основной части, и именно им в главке 11 дается обращенный к современникам призыв к покаянию. С него начинается возрождение: в 13-й главке возвращается описывающий космические процессы трехударный дольник, но процесс, который он описывает, — уже не распад, но таинственная трансформация и возрождение; в 14-й, по торжественности соответствующей описанию распятия, дольник снова расплавляется в аметрический речитатив. В этой главке, собственно, и происходит «воскресение», хотя нельзя не заметить, что у Белого это не воскресение Христа-человека (либо воскресение Христа-человека остается нам неизвестным), но какое-то преобразование материальной вселенной в стиле космогонических фантазий «Глоссолалии» (хотя в «Весенних мыслях»

разъясняется, что «воспламенением вселенной предстает в нашем ветхом сознании» всего лишь прорастание весенней травы). В главке 15 трехударный дольник говорит уже о таинственном преобразении России, а не вселенной, но ее последние строки постепенно возвращаются к аметрическому речитативу, и именно им дается «реалистическая», содержащая бытовые зарисовки революционной весны часть поэмы (главки 16–20); этим подчеркивается мистериальная значимость происходящих, по-видимому, ничтожных событий; такие события должны занять место подвигов и исторических драм, как «пролетариат» — место господствующих классов, а звуки речи — старых носителей смысла. Легкий намек на трехударный дольник проскальзывает в главке 21, отвечая то ли робкой надежде на такое же преобразование индивида, которое произошло со Вселенной и с Россией, то ли призыву к нему. Наконец, заключающие поэму главки 22–24 ее основным размером — аметрическим «вагнеровским речитативом» — пересказывают вкратце еще раз ее содержание, вновь приводя к образности «Глоссолалии»: космические «гласящие глубины из огненного горла» говорят о воскресении.

Если еще в 1910 г. на вопрос «Что значит быть русским?» Белый отвечал «Быть русским — значит бесстрашно сказать действительности: “Умри”, помня о воскресении» [Белый 1910, с. 2], то в 1918 г., трактуя революцию как смерть и воскресение, он был вполне последователен; от статьи 1910 г. «Христос воскрес» отличается не этим общим смыслом, но отсутствием бесшабашности, звучащей в «бесстрашно» и в «помня о воскресении»; бессмысленно задаваться вопросом, была ли бесстрашна или труслива жертва пальной пули, «маленький человек», железнодорожник, и Христа в поэме хоронят «без слов и без веры в воскресение», которое происходит вовсе не в результате человеческих надежд и тем более человеческой революционной решимости. Люди, индивиды, могут ответить жертве Христа и железнодорожника только пониманием и покаянием, и тогда их может встретить такое же преобразование и вечное обновление, которое всегда происходит с природой и которое революция должна принести стране, взятой в целом; тогда обновление может достигнуть и мировых масштабов, масштабов «Третьего Интернационала», о котором «поют паровозы» над убитым железнодорожником; но на практике первые жертвы революции, конечно, привели не к покаянию и нравственному обновлению России, а за ней мира, но только к ожесточению противоборствующих сторон и Гражданской войне.

Таким образом, никакого признания конкретной революционной партии в поэме нет, и всяческую «партийность» Белый неоднократно называет причиной войны и гибели (см. напечатанные в том же номере «Весенние мысли» и коммент.). Потому поверхностен был отзыв Н.М. Минского: «... Трудно понять, каким образом этот голубоглазый, шиллероподобный идеалист ухитрился примирить свои порывания к мирам иным с резонерской сущью Ленина, с ужасами чрезвычайек (...). Неожиданно для автора, знак равенства возникает не между Христом и Лениным, а между Христом — жерт-

вой древнего насилия — и русской интеллигенцией — жертвой насильников современных. (...) Андрей Белый, убедив себя в том, что он сочувствует большевизму, на самом деле, логически и психологически, остался глубоко чуждым целям и приемам большевиков» [Минский 1920].

Рецензия Минского — хороший пример того, как контекст и презумпция формирует восприятие; публикации в революционной прессе достаточно для констатации полного соответствия ярлыку. Кроме того, Минский, сам в прошлом активно и конкретно сотрудничавший с партией В.И. Ленина (в 1905–1906 гг. он вместе с М. Горьким возглавлял большевистскую газету «Новая жизнь», в которой именно тогда была напечатана слишком памятная жившим в СССР ленинская статья «Партийная организация и партийная литература» [Ленин 1905])³⁶, по-видимому, подсознательно переносил свой опыт на Белого: ничего специфически большевистского в поэме нет, — даже «Третий Интернационал» на тот момент был еще не большевистским, а эсеровским лозунгом, восходящим к довоенным временам европейской социал-демократии. Также нельзя найти в поэме попытки поставить «знак равенства между Христом и Лениным» (напротив, «Весенние мысли» в том же номере журнала содержат прямой выпад против Ленина-философа, — как и «Революция и культура» против Маркса и Энгельса³⁷). Искомый «знак равенства» ясно стоит между Христом и убитым железнодорожником (их «снятие с креста» описано повторяющимися строками), т.е. между «жертвой древнего насилия и жертвой насильников современных», как и писал Минский; но, ставя знак равенства между «жертвой насильников современных» и «русской интеллигенцией», Минский опять выдает собственную читательскую презумпцию. Место «интеллигента» в поэме обозначено ясно — он «вещает о значении Константинополя и проливов», т.е. продолжает твердить программу П.Н. Милокова и кадетской партии (ср. ниже в «Весенних мыслях»), поддерживая продолжение мировой войны. Важнее, однако, не то, что это партия именно кадетская, а то, что «коросты оледенелых партийных абстракций» (выражение из «Весенних мыслей»), стандарты партийной риторики (хоть бы уже и не кадетской, а другой партии) заменяют ему восприятие и мышление. Об интеллигентности же «железнодорожника» у Белого говорить не приходится; он ближе к простым солдатам, жертвам Первой мировой, о чем говорится в «Революции и сознании современности»: «мы хотели его (т.е. творческий потенциал народа. — *Д.Т.*) заключить в паровозных котлах, нужных нам для скорейшего доставленья на фронт “революционного мяса” в виде душ, обреченных на гибель». Русская и мировая революция, по «скифской» точке зрения, должна прекратить мировую войну, которую в значительной степени поддержали интеллектуальные слои воюющих держав, включая и Россию.

То, что именно образ железнодорожника способствовал кристаллизации творческого замысла «Христос воскрес», показывает сравнение текста поэмы с одним пассажем писавшихся одновременно «Записок чудака». описа-

ния распятия, ужаса космической катастрофы в «Христос воскрес» и даже дважды повторенное описание «снятия с креста» слово за слово развивают описание грохота поезда, проходящего железнодорожный туннель, из «Записок чудака»³⁸:

«...» дыра нас глотала; и — начинала жевать: металлическим грохотаньем; туннель!
«...»
— «Тох-тох» неуклонно металась грохоты в уши; и —
— «трахтахах» —
— вылетали в мрачневшие серости;
— «Тá-та!» били нас скрепы рельс; и опять уносились стремительно в «тохтох-танье» туннелей; казалось: упали удары из преисподней; и — рушились; суши и горы — от скорби; ломались холмы; проступали в туманы неясные пасти, где мы проносились; оттуда валил сплошной дым; волокни мое тело с темными впадинами провалившихся глаз — в глубины: до-рожденных темнот, иль посмертных томлений; в глубокое дно пролетало, низринувшись, перстное тело мое с перепутанными волосами; и грохотом-хохотом било мне в уши; и глаз остеклею впадиной — тело устало тупо — в туманы и мраки:
— «Познай-себя — ты!»

Развивая ритмизованную прозу «Записок чудака» в поэму, Белый добавляет к взятым из нее словесным блокам изометрические и рифмующиеся, именно таким образом получая из прозы упоминавшийся трехударный дольник перекрестной рифмовки, вторую ритмическую «тему» поэмы (ниже выделено курсивом взятое из «Записок чудака» дословно):

От огромной скорби
Господней
Упали удары
Из преисподней —
В тяжелый,
Старый
Шар.
Обрушились суши
И горы,
Изгорбились
Бурей озера...
И изгорбились доли...
Разламывались холмы...
А души —
Душа за душою —
Валились в глухие тьмы.
Проступали в туманы

Неясные
Пасти
Чудовищной глубины...
Обнажались
Обманы
И ужасные
Страсти
Выбежавшего на белый свет
Сатаны.

Записать с более традиционным строкоделением можно несколькими способами, например:

От огромной скорби Господней
Упали удары из преисподней —
 В тяжелый, старый шар.
Обрушились суши и горы,
Изгорбились бурей озера...
 И изгорбились доли...
Разламывались холмы...
А души — душа за душою —
Валились в глухие тьмы.
Проступали в туманы неясные пасти
Чудовищной глубины...
Обнажались обманы и ужасные страсти
Выбежавшего на белый свет Сатаны.

Отступами обозначены «наращения», т.е. вкрапления аметрического речитатива в речитатив метризирующийся. Из первого взятого из «Записок чудака» выражения Белый получает рифмованное трехударное двустипие с «наращением», из второго — почти правильную трехударную строфу перекрестной рифмовки с «наращением» внутри, из третьего — уже не сбитую наращением, но более сложную строфу перекрестной рифмовки (4+2+4+4 ударения); всё вместе колеблется между аметрическим речитативом и строфическим дольником, одновременно являясь иллюстрацией кристаллизации ужасающего беспредметного ритма (грохота поезда в тоннеле) в стих, процесса, параллельного тому, как речитатив «Христос воскрес» местами кристаллизуется в размеры. «Аритмия чугунного грохота, — пишет Белый в статье «Верное знание» в те же недели, — раскатилась сначала от моря до моря; и катается ныне в широких пространствах рассыпавшейся колоссальной Империи»³⁹ [Белый 1918–1].

Теми же способами, как приведенная выше глава 8 поэмы, из фразы «волокли мое тело с темнотными впадинами провалившихся глаз — в глубины»

образованы главки 7 и 20 («снятие с креста» Христа и железнодорожника), из «в глубокое дно пролетало, низринувшись, перстное тело мое с перепутанными волосами» — главка 6, из «грохотом-хохотом» — 5, из «глаз остеклелою впадиной — тело уставилось тупо — в туманы и мраки» — 4. В этих чисто речитативных главках Белый не доводит развитие прозы в стих до строфизма, ограничиваясь как раз подбором того множества рифм (рифм к словам исходного нерифмованного текста «Записок чудака»), которое отмечал Гаспаров; это главки, не доведенные до строфики, но находящиеся в одном шаге от многих ее вариантов. Именно это имел в виду Белый, когда повторял, что метр — «окаменение» первичного ритма⁴⁰.

После «Христос воскресе» и «Весенних мыслей», к 1 мая, Белый публикует еще в газете «Жизнь» (№ 8, с. 3) написанное накануне, 30 апреля, стихотворение к Первомаю, тесно примыкающее к «Христос воскресе» и являющееся еще более ярким и однозначным памятником «принятия революции»; поэтика «Красной Пасхи», «красных знамен как венца из роз», сплава привычной возвышенно-мистической стилистики и фразеологии Белого, текста православной литургии и той стилистики и той фразеологии, которая впоследствии закрепились в качестве официального советского стандарта (и конкретно — его «первомайской» разновидности):

Первое мая!
 Праздник ожидания...
 Расцветись, стихия,
 В пламень и сапфир!
 Занимайтесь, здания,
 Пламенем восстания!
 Занимайтесь заревом:
 Москва,
 Россия,
 Мир!

Надежда на окончание Первой мировой («на земле мир») сразу переходит в литургическое «в человецех благоволение», а миссия автора — встав на революционном «гребне времен», возгласить⁴¹ «безвинным жертвам», что «кончились страдания» и что «Христос воскресе» (далее в черновике следует еще несколько строк пасхальных часов). «Первое мая» Белый впоследствии не перепечатывал и в сборники не включал.

Первая половина 1918 г. могла казаться многим полным распадом российской государственности: регионы бывшей империи провозглашали независимость один за другим, и было неясно, насколько распространяется юрисдикция каждого из новосозданных «органов власти» и в чем она вообще заключается. Это чувство упразднения государства как системы упорядочивающегося насилия и возникновения хаотического плюрализма необходимо

учитывать, говоря о том, какую именно революцию Белый «принимал» весной 1918 г. Этот нюанс особенно ясен в «Священной России» и в «Революции и сознании современности». Тезис Белого о том, что революция — познавательный акт народа, «начало огромной системы познания», или, если можно так выразиться, эксперимент масс в области критической гносеологии, имеет в виду не только то, что в революции народ познает бессмысленность старых государственных учреждений, но и то, что становится ясна бессмысленность любых идеологических догм, без которых такие учреждения невозможны. Будущее, открываемое русской революцией в ее «скифской» трактовке, деидеологизировано и аполитично; в практическом отношении оно должно, по-видимому, выстраиваться на основе, близкой анархо-синдикализму (хотя об этом «скифы» не думали, но иначе трудно понять постулированную в «Весенних мыслях» «свободную самоорганизацию коммун-монад»). В любом случае идеология и политика — пережитки старого мира и старого (для Белого — кантианского) способа мышления, первое, что будет отброшено началом реального познавательного акта народа. Гомункулусам «партийных идеологий», которых воспитывает кантианская гносеология и терминологическое использование языка, и противостоит выношенный анализом 1917 г. «младенец» или «человек». Конечно, «скифы» оказались неправы в оценке происходящего: и русская, и последовавшая за ней немецкая революция не только не отменили идеологию, но, наоборот, довели идеологизацию жизни до немыслимой ранее степени и показали еще больше, чем можно было видеть до этого, примеров того, как «мертворожденные партийные силлогизмы» (выражение из «Весенних мыслей») выводят на поле брани батальоны должных погибнуть «Каев» (см. ниже) или «железнодорожников».

Статьи «Весенние мысли» и «Революция и сознание современности» напечатаны в одном номере с «Христос воскрес» и представляют собой как бы прозаический комментарий к поэме. Этот второй номер «Нашего пути» был последним; летом после известных событий партия левых эсеров была практически ликвидирована большевиками, а сам Белый вернулся к темам, оставленным в 1916 г., — к своим дорнахским очеркам для «Биржевых ведомостей» и к докладу об «Александрийском периоде»; летом 1918 г. он собрал из этих материалов книги «Кризис жизни» и «Кризис мысли». В августе в рассказе «Иог» Белый устами автобиографического персонажа подводит черту под надеждой на отождествление преобразования мира с революцией («он понял отчетливо: преобразование не свершится еще; будущее, приподнявшись из недр разряженной стихии, отступило» [Белый 1918–2, с. 30]), а осенью, вместе с работой в Московском Пролеткульте и в Наркомпросе, для него начинается совсем другой этап сотрудничества с революцией.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В первом отдельном издании (Пб.: Алконост, 1918) поэма названа «Христос воскрес»; но в четырех других прижизненных изданиях и в последнем (неизданном при жизни автора) собрании стихотворений «Зовы времен» она называется именно «Христос воскрес» [Белый 2006, т. II, с. 573]; так называем ее и мы.

² Так разнятся авторские датировки в разных изданиях, см. [Белый 2006, т. I, с. 626].

³ Ср. письмо Иванов-Разумнику от 26 октября 1916 г. [Белый — Иванов-Разумник 1998, с. 80].

⁴ О работе Белого над «Жезлом Аарона» см. [Глухова 2011].

⁵ Из стихотворения Пушкина 1825 г. «Вакхическая песня» («Что смолкнул веселия глас...»).

⁶ «Кризис слова» — название одного из неосуществленных издательских планов Белого [Белый — Алянский 2002, с. 88].

⁷ О том, что это предисловие именно к «Кризису сознания», см. [Торшилов 2017, с. 11].

⁸ ОР РГБ. Ф. 25. Карт. 43. Ед. хр. 8. Л. II.

⁹ См.: Протоколы общих собраний Клуба московских писателей // ОР ИМЛИ РАН. Ф. 315. Оп. 1. Ед. хр. 1. Сначала выступление должно было называться «Будущий строй России и художественная культура». В протоколе собрания 21 мая говорится: «Б.Н. Бугаев сделал вступление к беседе на тему: "Революция и культура". В беседе принял участие Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков и Г.А. Рачинский. Беседа записывалась стенографически. Дальнейшее ее продолжение перенесено на ближайшее заседание Клуба, намеченное на воскресенье, 28 мая. 28 мая продолжение не состоялось».

¹⁰ В формулировке А.Л. Доброхотова: «структурно-ритмическое сообщение революции бесконечно важнее и таинственнее, чем словесно-идейные оболочки» [Доброхотов 2017, с. 450].

¹¹ То же письмо; ср. титульный лист этого ненаписанного сочинения: РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 2. Ед. хр. 20. Л. 56об.

¹² Предисловие к «Глоссолалии», написанное в 1922 г.

¹³ «Асе» («В безгневном сне, в гнетуще-грустной неге...»).

¹⁴ Ср. другую трактовку вязи «Кармы» и «Глоссолалии» [Джулиано 2017]

¹⁵ Шесть раз в итоговом тексте «Глоссолалии» и более 20 раз в черновых материалах (включая разъяснение, что «*хлынул*» и «*хляби*» сами звуками языка живописуют, что тут происходит»: РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 2. Ед. хр. 20. Л. 35).

¹⁶ ОР РГБ. Ф. 25. Карт. 3. Ед. хр. 13. Л. 51.

¹⁷ См. выше о «Безрукой танцовщице», также: РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 2. Ед. хр. 20. Л. 45; ОР РГБ. Ф. 25. Карт. 3. Ед. хр. 12. Л. 115.

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 2. Ед. хр. 20. Л. 55об.

¹⁹ См., например, письмо А. Тургеневой от 4 ноября 1917 г. [Malmstad 1989, p. 436–437].

²⁰ «Ракурс к дневнику» [Белый 2016, с. 438] однозначно связывает декабрьское воодушевление со знакомством с К.Н. Васильевой, будущей женой писателя.

²¹ Например, опубликованный А.В. Лавровым набросок без названия начала 1920-х гг., когда революционные надежды уже развеялись: «...» *«духовное начало»* во мне себя открыло не нормальным рождением в душе, как рост самой душевности, а катастрофическим падением с высот родимых в *душевные ясли*; вот образ: «*ясли*»; если прежде душа находила себя прекрасной, как цветок, то теперь она предстала себе разорванной и униженной; она стала предметом, «*яслями*»; и предметом не особенно желанным: как известно, «*ясли*» есть вещь не особенно-то прекрасная (я разумею тут обыденные ясли, а не «*виффлемские*» и не аллегорические); душа стала скотской принадлежностью «...» [Лавров 1980, с. 58–59].

²² [М.А. 1927, с. 17]; цит. по [Леонтьев 2007, с. 155]; из левоэсеровского журнала; за подписью «М.А.», по предположению Леонтьева, скрывается знаменитый руководитель ПЛСР М.А. Спиридонова.

²³ Стихотворение «Леониду Ледяному» [Белый 2006, т. II, с. 476]. «Нитче» — это Фридрих Ницше, по-немецки «Nietzsche», «Фритче» по-русски обычно «Фриче», нем. «Frieztzsche», т.е. «Фрицше».

²⁴ Кажется, знакомство с «Человеком» (или тем более удивительную близость видения) показывают воспоминания Г.Ф. Кнорре о Белом конца 1918 г.: «Андрей Белый,» «Глоссолалия» «...» в ночных туфлях, поджавши ноги на стуле, машет руками по воздуху. Мгновениями — мир иной, проникновение в рост «духовного мира». Мысль — живая, облеченная чуть ли не плотью. «...» И вдруг: смешок, человеческий, жалкий, голова, уходящая в тело: извините меня — ну вот видите ли, я ведь тоже только себе человек. Рот мой — космос, но отсюда рождаются новые миры, на которых мы будем через миллионы лет жить, как живем на Земле» [Лекманов 2007].

²⁵ Из письма Иванову-Разумнику от 25–30 ноября 1926 г.: ««...» ты пишешь о ясной для тебя "идее", а в середине писания ловишь себя на том, что ясная "идея" — предлог, чтобы себе самому хотя намекнуть на то, что под сухой идеей, покрытой процессом тленья, уже где-то — *зеленя*, — т.е.: "*нетухи поют*"; и хочется о "*нетухах*" сказать, а слов — нет; а "*нетухи*" всё же есть; и в этом, Разумник Васильевич, огромное утешение, источник бодрости, о котором опять-таки хочется крикнуть «...»» [Белый — Иванов-Разумник 1998, с. 425].

²⁶ «Человек. Повесть (Хроника XXV века)» обозначен в числе готовящихся к печати книг в издании «Королевы и рыцарей» в «Алконосте» в 1919 г.

²⁷ ОР РГБ. Ф. 25. Карт. 3. Ед. хр. 14.

²⁸ Март 1918 г. («Пишу фельетон "Священная Россия"» [Белый 2016, с. 441]; опубли.: Россия. 1918. № 1, 7 июня. С. 5–7).

²⁹ О январе [Белый 2016, с. 439]; ср.: «углубляется близость с К.Н.» (о феврале и марте); «близость с К.Н. оформляется и переходит в ту прочную связь, которая стала уже нерасторжимой в десятилетия 1918–1928 годах» (об апреле) [Белый 2016, с. 440, 441].

³⁰ 1918. № 1, апр. С. 14. Стихотворение ниже приводится с пунктуацией «Нашего пути».

³¹ Хотя одна вышла существенно позже, в 1922 г.; см. [Белый 2006, т. I, с. 61–62].

³² В «Прозе транссибирского экспресса и маленькой Жанны французской», см. [Cendrars 2001, р. 46].

³³ О важности для Белого «молосса», трехударной стопы, см. [Белый 1923, с. 13–14; Белый — Иванов-Разумник 1998, с. 638; Бугаева 2001, с. 165, 228] и др.

³⁴ Так, читателю «Кубка симфоний» Белый давал совет сначала прочесть симфонию, потом разобрать ее структуру по музыкальным темам, потом прочесть еще и еще, — и тогда погрешность ее понимания уменьшится от половины до одной сотой [Белый 1991, с. 252].

³⁵ О соответствии классового устройства общества традиционным стихотворным размером см. [Белый 1924, с. 140–142].

³⁶ В будущем Минский работал и в советском посольстве в Лондоне.

³⁷ «Подлинно революционны и Ибсен, и Штирнер, и Ницше, а вовсе не Энгельс, не Маркс» [Белый 1917–1, с. 25].

³⁸ [Белый 1922–2, с. 53–54] = [Белый 1922–3, т. II, с. 144–145]; ошибка издания 1922 г., «верстное» вместо «перстное», повторена в [Белый 1997, с. 447].

³⁹ Ср. об образах гула, гуда, грохота в «Записках чудака»: «Акустические ощущения повторяются в словах и предложениях, становясь лейтмотивами, на которых построен текст романа» [Кривеллер 2017, с. 480].

⁴⁰ См., например [Белый 1917–2, с. 209; Белый 1919, с. 51; Белый 1934, с. 115] и др. Другой реалистический образ поэмы, «заваливающий дровами ворота домовый комитет», также имеет автобиографическое происхождение. «Об Андрее Белом мне рассказывал Д.С. Усов в 1923–1924 годах. В 1918–19 гг. Усов жил в одном доме с ним в Никольском переулке, недалеко от церкви Николая Плотника. Это был очень грозный период, когда бандиты, выпущенные из тюрьмы, занялись грабежами, а к ним примкнули и другие любители чужого. Моссовет издал постановление, которое отчасти должно было защитить граждан от граби-

телей: в нем было указано, чтобы жители дома наглухо закрыли все входы, кроме одного, и на ночь закрывали ворота и двери подъездов. Домоуправление вызвало всех живущих в доме по Никольскому переулку и предложило им перенести дрова из сараев к воротам со стороны двора и заложить их дровами так, чтобы грабители не могли открыть ворота. Усов и другие молодые люди горячо взялись за дело и начали перетаскивать дрова к воротам. Белый взял себе самовольно роль организатора дела. Он дров не таскал, а пришел в состоянии экстаза и истерично покрикивал на укладчиков дров к воротам. Угодить ему было невозможно. Он кричал очень громко, поднимал руки вверх, встряхивал ими, потом опускал резко их вниз, выкрикивая что-то неразборчиво, но гневно, а глаза были устремлены сквозь людей. Все это производило очень странное впечатление на людей, и некоторые считали, что он душевнобольной человек, но покорялись его указаниям, хотя они были бестолковы» [Горнунг 2017, с. 263].

⁴¹ Из черновика, см. [Белый 2006, т. II, с. 529].

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев 1995 — *Андреев В.Л.* Из повести «Возвращение в жизнь» // Воспоминания об Андрее Белом / Сост. В.М. Пискунов. М.: Республика, 1995. С. 288–304.
- Белый 1910 — *Андрей Белый.* Россия // Утро России. 1910. № 303, 18 нояб. С. 2.
- Белый 1917–1 — *Андрей Белый.* Революция и культура. М.: Г.А. Леман и С.И. Сахаров, 1917. 30 с.
- Белый 1917–2 — *Андрей Белый.* Жезл Аарона // Скифы. Сб. 1-й. СПб.: Книгоизд-во «Скифы», 1917. С. 155–212.
- Белый 1918–1 — *Андрей Белый.* Верное знание // Жизнь. 1918. № 10, 4 мая (21 апр.). С. 2.
- Белый 1918–2 — *Андрей Белый.* Иог // Сирена (Воронеж). 1918. № 2, 30 дек. С. 17–30.
- Белый 1919 — *Андрей Белый.* О художественной прозе // Горн. Кн. II–III. М., 1919. С. 49–55.
- Белый 1922–1 — *Андрей Белый.* Глоссолалия: Поэма о звуке. Берлин: Эпоха, 1922. 131 с.
- Белый 1922–2 — *Андрей Белый.* Возвращенье на родину: (Отрывки из повести). М.: Кн-во писателей в Москве, 1922. 88 с.
- Белый 1922–3 — *Андрей Белый.* Записки чудака: В 2 т. М.; Берлин: Геликон, 1922.
- Белый 1923 — *Андрей Белый.* После разлуки: Берлинский песенник. Пб.–Берлин: Эпоха, 1923. 128 с.
- Белый 1924 — *Андрей Белый.* Дневник писателя. I: Ритм жизни и современность // Россия. 1924. № 2. С. 132–146.
- Белый 1934 — *Андрей Белый.* Мастерство Гоголя: Исследование. М.; Л.: ГИХЛ, 1934. XVI, 324 с.
- Белый 1991 — *Андрей Белый.* Симфонии / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. А.В. Лаврова. Л.: Худ. лит., 1991. 528 с.
- Белый 1997 — *Андрей Белый.* Собрание сочинений. Т. VI: Котик Летаев. Крещеный китаец. Записки чудака / Предисл. и коммент. В.М. Пискунова, Н.Д. Александрова, Г.Ф. Пархоменко. М.: Республика, 1997. 543 с.
- Белый 2006 — *Андрей Белый.* Стихотворения и поэмы: В 2 т. / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. А.В. Лаврова и Дж. Малмстада. СПб.; М.: Академический проект; Прогресс-Плеяда, 2006. 640; 654 с.
- Белый 2009 — *Андрей Белый.* Безрукая танцовщица / Публикация Е.В. Глуховой, Д.О. Торшилова // Литературный календарь: книги дня. 2009. № 5 (2). С. 5–25.
- Белый 2015 — *Андрей Белый.* Вячеслав Иванов / Публ., комм. Е.В. Глуховой // Вяч. Иванов: Pro et contra. Т. 1 / Сост. К.Г. Исупова, А.Б. Шишкина; Вступ. ст. А.Б. Шишкина. СПб.: РХГИ, 2015. С. 399–439.

Белый 2016 — Литературное наследство. Т. 105: Андрей Белый. Автобиографические своды. Материалы к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Сост. А.В. Лавров, Дж. Малмстад. М.: Наука, 2016. 1120 с.

Белый — Алянский 2002 — Андрей Белый и С.М. Алянский / Предисл. и публ. Дж. Малмстада // Лица: Биограф. альманах. 9. СПб.: Феникс, 2002. С. 67–115.

Белый — Блок 2001 — Андрей Белый и Александр Блок. Переписка (1903–1919 гг.) / Публ., предисл. и коммент. А.В. Лаврова. М.: Прогресс-Плеяда, 2001. 608 с.

Белый — Иванов-Разумник 1998 — Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. ст., коммент. А. В. Лаврова и Дж. Малмстада; Подгот. текста Т.В. Павловой, А.В. Лаврова, Дж. Малмстада. СПб.: Atheneum-Феникс, 1998. 736 с.

Блок 1918 — Блок А. Интеллигенция и революция // Знамя труда. 1918. № 122, 19 янв. С. 2–3.

Бородаевский 2011 — *Бородаевский В.В.* Посох в цвету: Собрание стихотворений / Сост., подгот. текста, примеч. А.Д. Бородаевского, Ю.А. Бугрова, И.П. Михайловой, В.А. Резвого; послесл. Е.В. Глухой. М.: Водолей, 2011. 400 с.

Б.п. 1916 — [Б.п.] На лекции Андрея Белого // Русские Ведомости. 1916. № 246, 25 окт.

Бугаева 2001 — *Бугаева К.Н.* Воспоминания об Андрее Белом. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. 448 с.

Гаспаров 1982 — *Гаспаров М.Л.* Об одном неизученном типе рифмованной прозы // *Finitis XII Iustris*: Сб. статей к 60-летию проф. Ю.М. Лотмана. Таллин: Ээсти раамат, 1982. С. 154–159.

Гаспаров 1988 — *Гаспаров М.Л.* Белый-стихoved и Белый-стихотворец // Андрей Белый: Проблемы творчества: Статьи, воспоминания, публикации. М.: Сов. писатель, 1988. С. 444–460.

Глухова 2011 — Лекция Андрея Белого «Жезл Аарона» / Предисл., публ., примеч. Е.В. Глухой // *Миры Андрея Белого* / Сост. И. Делекторская, Е. Наседкина. Белград: Изд-во филол. ф-та, 2011. С. 57–83.

Глухова — Торшилов 2014 — *Глухова Е.В., Торшилов Д.О.* Андрей Белый в Первую мировую войну // Политика и поэтика: русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны. Публикации, исследования и материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 165–173.

Горнунг 2017 — *Горнунг Л.* Андрей Белый [Из воспоминаний] / Подгот. текста, примеч. Т.Ф. Нешумовой // *Арабески Андрея Белого. Жизненный путь. Духовные искания. Поэтика* / Ред.-сост. К. Ичин, М.Л. Спивак. Белград: Изд-во филол. ф-та, 2017. С. 262–267.

Джулиано 2017 — *Джулиано Дж.* «Глоссололия» и «Карма» Андрея Белого: мифопоэтические структуры поэмы в интерпретации поэтических текстов // *Арабески Андрея Белого. Жизненный путь. Духовные искания. Поэтика* / Ред.-сост. К. Ичин, М.Л. Спивак. М.; Белград, 2017. С. 415–421.

Доброхотов 2017 — *Доброхотов А.Л.* Цвет и ритм революции: интуиции Андрея Белого // *Арабески Андрея Белого. Жизненный путь. Духовные искания. Поэтика* / Ред.-сост. К. Ичин, М.Л. Спивак. М.; Белград, 2017. С. 445–450.

Кривеллер 2017 — *Кривеллер К.* Хронотоп Дорнаха как ключ к пониманию автобиографического жанра в «Записках чудака» Андрея Белого // *Арабески Андрея Белого. Жизненный путь. Духовные искания. Поэтика* / Ред.-сост. К. Ичин, М.Л. Спивак. М.; Белград, 2017. С. 476–483.

Лавров 1980 — *Лавров А.В.* Рукописный архив Андрея Белого в Пушкинском доме // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1978 год. Л.: Наука, 1980. С. 23–63.

Лекманов 2007 — *Лекманов О.А.* Андрей Белый и Вячеслав Иванов в дневнике Георгия Кнорре 1918–1919 гг. // *Toronto Slavic Quarterly*. № 19. Winter 2007. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sites.utoronto.ca/tsq/19/lekhmanov19.shtml> (дата обращения: 21.06.2017).

Ленин 1905 — *Ленин В.И.* Партийная организация и партийная литература // *Новая жизнь*. 1905. № 12, 13 нояб.

Леонтьев 2007 — *Леонтьев Я.В.* «Скифы» русской революции: Партия левых эсеров и ее литературные попутчики. М.: АИРО-XXI, 2007. 328 с.

М.А. 1927 — М.А. Шум слитный. Памяти А. Блока и С. Есенина // Знамя борьбы (Берлин). 1927. № 22–23. С. 16–24.

М.З. 1916 — М.З. «Драма жизни» (На лекции Андрея Белого) // Утро России. 1916. № 298, 25 окт. С. 6.

Минский 1920 — *Минский Н.М.* «Христос Воскресе». Новая поэма Андрея Белого // Последние новости (Париж). 1920. № 162, 2 нояб. С. 2.

Торшилов 2011 — *Торшилов Д.О.* Андрей Белый о принципах правки своих сочинений: «произведение» и «последняя воля автора» // Литературный календарь: книги дня. 2011. Вып. 1. С. 68–97.

Торшилов 2013 — *Торшилов Д.О.* Мировая война и цикл «Кризисов» Андрея Белого // Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны: политика и поэтика. Исследования и материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2013. С. 209–223.

Торшилов 2017 — *Торшилов Д.О.* Реконструкция книги Андрея Белого «О ритмическом жесте» // Литературный факт. 2017. № 3. С. 9–27.

Яковлев 2012 — *Яковлев М.В.* Образ солнца в поэме Андрея Белого «Глоссолалия» // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2012. № 4 (11). С. 70–76.

Cendrars 2001 — *Cendrars B.* Poésie complètes, avec 41 poèmes inédits. Paris, 2001.

Malmstad 1989 — *Malmstad J.E.* Andrej Belyj at Home and Abroad (1917–1923). Materials for a Biography // Europa Orientalis. № 8 (1989). P. 425–480.

Андрей Белый

НА ПЕРЕВАЛЕ

I. ВЕСЕННИЕ МЫСЛИ

1

Кризис жизни, сознания, творчества, мысли, общественности, кризис быта: ни одного уголка не осталось нам целым: всё рушится. Рвутся фикции стен и домов. На городских площадях бьют вулканы. В предвоенное время еще столкновенье в сознании многовиднейших кризисов, переоценок и новых оценок, сливаясь, уничтожали друг друга: уничтожали подпочву, откуда возможно восстание жизненных ценностей.

В довоенное время еще уподоблялись иные из нас человеку, следящему за отклонением стрелок сейсмографов; и — узнающему колебание почвы под нами; в пересечении линии распространенья толчка стремились угадывать центр удара подземного. В голове у нас рушится мысль: наши руки дрожат: руки рушат нам творчество; жизнь разрушена мировой войною; и социальные отношения — плавятся.

Помутнело сознание.

2

Революция, Милюков, коалиционное министерство; и — Керенский, облетающий необъятное пространство России — где всё это? Вместо России недавнего прошлого — десять «Русей».

В революции — революция.

Переоценка предполагает оценку; предполагает она: ценность есть. И «русская» революция предполагает Россию.

Но «революция в революции» для очень многих не захотела бытийственности для революции русской: захотела она революции мира; и для мира, за мир погубила Россию она. И Россия — рассыпалась хаосом враждующих местностей, областей, партий, классов, сословий.

Так кажется многим.

И ясно другим:

О, Родина,
Мое Русское поле,
И вы, сыновья ее,
Остановившие
На частоколе
Луну и солнце, —

Хвалите Бога!
В мужичьих яслях
Родилось пламя
К миру всего мира!
Новый Назарет
Перед вами.
Уже славят пастыри
Его утро.
Свет за горами...

(С. Есенин)

3

Переоценка событий недавнего прошлого нам в сознание разрушила библиотеки добропочтенных увесистых книг по политической экономии, истории конституций всех веков и народов; переоценка всех наших общественных устремлений, сметя их, воздвигла однако: огромные контуры невероятных возможностей.

Оценки и ценности государственной жизни, без которых, казалось бы, жить невозможно, и без которых живем мы полгода, — обернулись туманами, застилавшими путь; коросты оледенелых партийных абстракций разбиты пульсацией разогретого народного сердца; знаем по опыту ныне, что в недрах вулкана есть жизнь.

За истекшие месяцы многообразье программ и платформ, резолюций, проектов, заданий, решений, трудолюбиво продуманных в кабинетах и оглашенных ретиво на митингах, противоречиво столкнулись в сознании нашем, перетирая себя: всё рассыпалось в порошок, не осталось камня на камне; но «порошок», упав в землю народной действительности, оказался целебнейшим удобрением для юных всходов растительности, ни на что не похожей и платформами не предвиденной вовсе; вместо абстрактного положения видим здесь: под весенним лучом прорастает травинка; и вместо голого лозунга — завивается цветик.

Так в травинках и в цветиках прорастает иная Россия; пусть ее заливают асфальтом: набухшее семя взрывает асфальт; и чем крепче асфальт, тем могучей грохочут за взрывами взрывы конкретной действительности; это — взрывы цветов и листов новорожденной, весенней России.

Мы стояли недавно под звоном разбившихся, стылых, остекленелых абстракций; осколки, вонзаясь в тела, обагрили Россию; и грудями трупов ответила жизнь на задания «политических умниц»: установить механизм государственной жизни в новорожденной России по образу и подобию передвижения силлогизмов в неврастенической голове, отравившейся кантианством и ученым марксизмом, давно отошедшим от брызжущей жизни в многообразии споров о том, обосновывать ли марксизм при помощи Авенариуса или Гегеля.

Треснула «социал-мозгология»; в мертворожденных потугах тончайшие выгибы силлогистической мысли, точка анемического мозга червоточными ходами, захотели отнять у нас радость восстания созидательной мысли; и взрывы цветов стали взрывом громов.

Вооруженные толпы, в себя воплотив силлогизмы, маршировали на улицах; умозаключение головы разрешалось наглядной методою: 1) Человек смертен (толпа наступала по Невскому), 2) Я — человек (отвечая так, наступала толпа на нее), 3) Следовательно: я — смертен (и в громе выстрелов падали трупы).

4

Мысль — опаснейший динамит, когда мысль эта ложная; мысль живая, правдивая мысль — есть раскрытие из точки бутона махрово-пылающей розы.

Всей историей философии нового времени мир и мысль полагались, как формы; эти формы — абстракции живых становлений процесса — раскрытия лепестков из бутона: образование розы.

Мир и мысль в становлении — мифы; философия греческих физиков объяснила впервые себя в философии нашего времени: становление мира и мысли, процесс, в ней нашел отражение; у древнегреческих физиков мысль становилась еще; она стала впервые в элейцах; и развивая свои утончения в объясняющем стержне своем, простояла она капиталистической рассудочной формой вплоть до нашего времени: категории теоретико-познавательной мысли суть формы капиталистического производства сознания: капиталист есть рассудок.

В настоящее время открылось: не то, что процесс мысли физиков был научно-логичней элейцев, а то, что сама наша мысль есть живой, всепредметный, внеформенный и текучий процесс образования организмов сознания, которые — воплотимые мифы; осуществление мысли в строительстве общественных форм не подчиняется механизму рассудочной деятельности, в лучшем случае пишущей вилами по воде, в худшем же случае уплотняющей мертвую форму абстракций железным футляром (известною инквизиционной пыткой); эта попытка создать государственность по образу и подобию форм, возникающих у нас в голове, превращается в пытку: в застенок, в «железную даму».

Процесс превращения государственной нормы в тюремный мешок, облагающий каменно нас, напоминает процесс превращения живого процесса в омертвенелые формы; тут нас встретит суженье действительности до материальной действительности, нас давящей извне, и до абстракции, копошащейся в нас; цельность мира расколота в форме понятия и в чувствительной форме; и оттого-то абстрактная нормировка живого процесса восстания жизни сажает в застенок восставшую жизнь.

5

Представление о живой силе мысли встает от противного в нас при рассмотрении выводов критики абстрактного знания.

Истина определялась методом; методов — много; они раздробляли ответы об истинах мира; вместо истины — круги истин; не соблюдаема однопутейность науки; в каждой серии опытов — преломление ответа об истине; или истины — нет, или истина истин — в сложении методических смыслов; вместо абстрактного определения истины мы имеем конкретное определение всей текучести изменения ее; вместо единства, централизации власти, — имеем конкретно-текучее представленье о власти; и вместо декретов — диалоги самоопределяющихся и расцветающих властностей.

Процесс нарастания смысла — в непрерывной текучести; или истины, как абстракции, нет, или истина выразима лишь в мимике, в контроверзах перетирающих друг друга абстракций, и от этого становящихся удобрительным порошком, из земли извлекающим цвет народного творчества; и общественность не завершаема в государственность; наоборот: государственность в лучшем случае — удобрение общественной нивы; перетирание государственных представлений у нас в голове нарисует нам линию эволюции представлений от центрального строя к федеративному строю; предел распада, неделимая клетка единого тела — коммуна. По отношению к государству она выглядит атомом; по отношению к грядущему организму, свободно восставшему из свободного соединения монад в лик живой человечества, — коммуна есть клетка живой органической ткани, живого и творческого процесса: создания из людей Человечества.

Ей имя София.

Да, к этой Софии стремится грядущее, а не к каменному футляру ее, находящемуся в Константинополе. И не к проливам мы правим наш путь: мы бросаем проливы, плывем от проливов к свободному морю... любви...

Представления о динамической истине, о динамической власти, о динамически-творческой и свободно-любовной коммуне — перевернули нам самое представленье о мысли, общественности, государстве.

Смыслы истин — растения. Зерно истины преждевременно потреблялось нами; если бы мы посадили его, как зерно, то оно проросло бы ростком многозернистого колоса; зерна колоса проросли бы пучками колосьев; пучки всколосили бы поле; бескорыстное отношение к истине множит круг ее жизни; определение ее не в зерне, а во множестве зерен; в ритме зреющих зерен оно.

6

Представление «содержания» было изгнано нами; «содержанием» называли мы формы сознания и бесформенность материального мира вне нас; но и материя — форма; под «содержанием» и под «формой» называли мы формы.

Содержание — процесс.

Мир машинных абстракций охвачен огнем содержаний: погибает в огне содержаний; и все революции (жизни и мысли) по отношению к революции, ждущей нас впереди, суть еще эволюции: гибнущих, распыляемых форм — в нежелающей это признать основной, содержащей их форме; и эта последняя форма есть голова теоретика, мнящего подменить новообразования жизни абстрактной платформой, хлопущую лозунга.

О размере же подлинной революции не подозреваем мы вовсе; и не ее вина, если жест ее жизни, пока еще нам запредельный, отдался катастрофой нас самих в нашем «Я»; катастрофически гибнет не «Я», в нас живущее, а — футляр: Статуя Командора на нас; мы себя с ней связали; в ней «Я», как младенец во чреве: выигрался младенец во чреве — железная, инквизиционная дама, футляр, или Статуя Командора на нас затрещала.

Наша культура — фетиш, наша ценность есть Статуя, но не статуя Аполлона, а Статуя Командора; эту статую представлений о мертвой культуре музеев уже разбивает механика представлений о человеческой жизни, как о борьбе труда с капиталом; под трудом же должны понимать не одно лишь товарное производство; труд лишь голая форма процесса, не вскрытого нами; содержанье процессов, трудов, — ритмы, ритмы и ритмы певучего творчества жизни.

Революция — впереди: в расплавление абстракций труда ритмом жизни живой.

Не в труде и в усилии упадут формы мира; от ритмических жестов индивидуального творчества рассеются образы старого мира.

Смыслы мысли — в движении мыслительности; а воплощение движения — в труде; но и «труд» — лишь абстракция: отложение обязательной, принудительной формы на творческом ритме; прорастание этого ритма весенней травой вокруг нас предстает в нашем ветхом сознании воспламенением вселенной. Представления наши о революции социальной еще примитивны, абстрактны: перетиранье кумиров культуры в летучую пыль труда не есть революция; в воспламенении пыли, в блистающем, преображающем светоче, в молнии перерождения духа ее ожидаем — мы, скифы.

7

Кризис мира продолжится, пока будем абстракцией мысли мы мерить события мира: черного ворона — самодержавный режим в голове «революционеров» недавнего прошлого — пора свергнуть; выражение — «без царя в голове» — выражение, понимаемое очень часто превратно; «без царя в голове» только слабые сходят с ума; сильные «без царя в голове» лишь впервые приходят к живому сознанию мысли, если царь есть абстракция: этого царя еще важнее свергнуть, чем теневое его отражение, свергнутое даже с согласия тех, кто его порождает... в сознании: подготавливает... в сознании...

Кризис мира не кончится революцией форм вне-лежащей действительности; но он кончится революцией у нас в голове: ниспроверженьем кумира понятий «во имя конкретной идеи» о человеческой мудрости: откроем ей двери!

Но для этого старые формы правления у нас в голове должны быть нами свергнуты; эти формы — таинственно скрытые пулеметы приверженцев старого строя; стреляли в пространство сознаний они все идеями о войне... для проливов, идеями о войне... ради мира; естественно, что они привели только к взрыву; неврастенический мысленный ход, при желании его заострить пулеметом, естественно кончился тем, что над крышами многопочтенных «домов» залетал град шрапнелей. Предупреждающие голоса вопияли в июне, в июле; вопияли сентябрь и октябрь... их не слушали; в тишине кабинетов ученые головы продолжали стрелять лживо-созданной мыслью; и пули ее многим стоили жизни... на фронте; не удивительно: в кабинетные стены влетела шрапнель.

8

Кризис мира стоит перед нами: распластованием мира; и — распылением жизни; но представления наши о жизни — насквозь материальны еще; всякие представления о жизни — не жизнь; и материальные представления — пузырь, на нас выросший: пузырь лопнул.

Мы — в ужасе.

Этот ужас, я думаю, возникает пред цыпленком в тот миг, когда он своим клювом проклюнет яйцо, где он спрятан... от жизни; внутренность скорлупы — небосвод — с треском рушится; переживает и он гибель мира; эта гибель — рождение; через очень короткое время цыпленок бежит совершенно свободно — вне яичного мира: за скорлупой «небосвода»...

После гибели материального мира забегаем мы, оперяясь, под солнышком жизни; всепожирающий огонь форм, революция, о которой мы ныне не можем составить себе представлений, — под солнышком (*там!*) нам покажется: греющим лучиком; гибель старого неба есть гибель яичного мира, утробного мира; удары судьбы, подстерегающей нас, — будут выглядеть: собственным, бессознательно-мудрым актом цыпленка, нанесшего удар клювом по собственной скорлупе.

Революцию нашу призывали — мы сами: пришла! И революцию в будущем мы, боясь ее и ропща на нее, подзываем: придет!

9

Вспоминаю невольно я время: я жил на границе Эльзаса; и слушал из тихого угла Базельланда гремящие пушки на протяжении двадцати с лишком месяцев; тишина Базельланда гремела... Эльзасом.

Прошло двадцать месяцев. Продолжается та же картина: «гремит» вокруг меня; я помню: гремело откуда-то издали; в Москве же гремит где-то рядом:

— «Что там?».

— «Да на Тверской... пулеметы».

«Трах-тах-тах» — револьверные трески: совсем где-то рядом — во мраке (по вечерам — нет огней; наши улицы — черноцветные темени; в черноцветные темени канешь; и — «трах-тах-тах»: звук обычный, знакомый); идешь себе: не обращаешь внимания.

Вспоминаю я... стражу: забаррикадированные ворота четырехэтажного дома арбатского переулочка; и — сноп огня, озаряющий яростно голубую такую октябрьскую, лунную ночь; за огнем — ослепительно отдающийся выстрел: с Смоленского рынка; и выстрел ответный с Арбатских ворот. Я прислушивался к звуку пороха (осколки шрапнели раскатисто рассыпались над приарбатскими крышами); мой сосед прижимался к стене; были грохоты пушек; над пушками стлалась огромная бирюзовая тишина неизливной луны.

Оттремела Москва.

Ружейные трески шалют шесть уж месяцев (с ноября до апреля); но отчего-то легко, беззаботно, певуче в неосвященной вечерней Москве (оттого, что не жгут фонарей, небо кажется низким, спустившимся); а — как было душно в июле, когда не трещали винтовки, но — раздавались витиеватые речи о том, что война и есть мир, а суженье заданий свободы в свободу проливов есть цель революции!

Теперь... — трески выстрелов; но почему-то синей синероды; и почему-то значительней небо — сплошной синерод — наливается самоцветною звездочкой.

Какие весенние дни! Ведь давно таких не было. Ласточки прилетят уже скоро: их — жду.

II. РЕВОЛЮЦИЯ И СОЗНАНИЕ СОВРЕМЕННОСТИ

1

В уразумении смысла — исконность стремлений, рождающих знание. Начинаем мы смыслом. И смыслом кончаем.

С детских лет мы осмысленно тянемся... к яблоку; мы осмысленно учимся: не касаться огня; неосмысленность действия ставит нас в категорию идиотов.

Смыслы — связаны с волей.

Неосмысленность побуждает к безумным решениям; чувства наши — поверхности неизвестных пучин, именуемых: воля. Соединение мысли и воли есть смысл. И оттого: осознание волею мысли и мыслями воли — венец идеала познания.

Инстинктивно в нас переживаются вопросы о смысле; в инстинктивности переживается полнота бытия; в полноте бытия — нераскрытая мысль, что она, полнота бытия, — форма жизненной мысли.

Мысль — жизненна.

Стремление к смыслу загадано нам; и — загаданы цели познания (осветить познавательным актом нескрытую половину действительности: бытие); и — загадано этим: создать бытие нашей мысли.

2

В уразумении революционного смысла текущей действительности пробуждается наше стремление: революцию охранить от неосмысленных действий.

Инстинктивно созрели в сгущении реакционных паров революционные громы и революционные молнии; и выхватилась ураганом из нависающей тучи полнота охватившего нас революционного бытия; в полноте бытия пролетающей бури из внесознания нашего посылается нам: благовестие.

Напечаталась на событиях жизни отчетливо мысль, что полнота бытия разлитой, ураганной стихии — естественное течение огромного акта познания, совершаемого народом.

Всякая попытка построить критически новую систему познания предполагает момент: отвержения всех догматических предпосылок познания; должен я усумниться во всем; и, усумняясь во всем, должен я пережить совершенно сознательно хаос, естественно вытекающий из моего положения критика; пусть все вещи, с которых сознательно сняты все цепи обычной причинности, смешавшись с мыслями, безосновно встающими, образуют вокруг ураганы кипящего хаоса; в кипятке непосредственной данности скрыта энергия максимальной способности растворить в себе формы кристаллов обычной догматики; чтобы новые формы кристаллов возникали естественно, мне достаточно предоставить кипение температуре атмосферы. Критически построенный познавательный акт заключается в этом.

Россия творит в настоящем собственный познавательный акт; и естественно в этом акте: свержение всех предпосылок революционной и эволюционной догматики в начале познания русским народом себя. Ничто не должно быть дано, как система, узнание, форма. И все данности, привнесенные со стороны, должны быть: построены сызнова.

Происходящая переоценка и хаос, пугающий многих, по-моему, есть гарантия, что познавательный акт, именуемый русской революцией, в своем первом моменте — не догматический, но — критический акт; клочкотание революционной стихии и тучи встающих паров от расплавленной до состояния жидкости русской земли — застигает обычные горизонты догматик, в которых мы верили; клочкотание это гласит: много соли в кипящем растворе; и стало быть: много будет кристаллов; революция русская при естественном

охлаждении температуры ее разрядится в строительство многообразных, оригинальных форм.

Революция русская есть начало огромной системы познания: оригинальность, невиданность из нее вытекающих форм — впереди; в настоящем одно должно радовать: революция русская протекает критически; в ней отвергнуты все предпосылки, все догматы прежней жизни и мысли.

И оттого-то осмысленен наш естественный жест: мы к ней тянемся; мы осмысленно учимся: не касаться огня; не накрывать его преждевременно: деревянную формою.

Смысл нашего отношения к ней — непредвзятость; мы должны в ней себя ощутить не строителями, приходящими с готовыми мерками, а — поверхностями неизвестных пучин, именуемых *волей народного гения*; соединение нашей мысли и *гения* (Духа народа) — таинственно протекающий, не механический, но химический акт; в механической смеси *температура плавления* не играет решающей роли. Температура плавления в действиях химии — всё. Показатель возможности подлинной *химической* свободы между нашими индивидуальными душами и сошедшим на нас Духом Жизни Народа — показатель тот есть: *температура России огромна*.

Всё — плавится.

В устремлении разгадать смысл плавления (осветить познавательным актом действительность, низлетевшую к нам) — бытие нашей мысли. В преждевременном отказе от смысла событий и в утверждении бессмыслицы происходящего вокруг нас — наша смерть.

3

Знание начинается с смысла.

Смысл — инстинкт: жест руки: оттого-то мы думаем: многосложность проблем и вся техника знаний должна быть оправдана; многосложность проблем — мыслим мы — нам конкретно ответит: о положении нашем.

Координация нервов и мышц позволяет нам: мысль руки перевести в акты жеста; мы не думаем: организм наш вливает нам мысль о движении мускула в мускулы: мускулы — движутся; я — бегу; увидавши канаву, мгновенно меняю я темп сокращения мускулов: прыгаю.

Вопросы о смысле естественно мудры; и — мудр инстинктивный прыжок.

Смысл развития знаний, оторванный от конкретного смысла, подобен: оторванной мышце от мысли о мышце; самосознание не управляло б движением рук; тщетно тщились бы мы перепрыгнуть; мы сверглись в канаву бы.

Знание учебников политической экономии и — знание социологических истин кончается и начинается с вопроса о смысле подобного знания; смысл — в умении это знание применить, когда час применения пробьет.

Лишь умение увидеть час применения оправдывает наше знание и утверждает нас, теоретиков, как людей пригодных для жизни. Но умение

подслушивать шумы времени есть искусство, талант. По отношению к рас-судку такое умение выглядит инстинктивным движением; многосложность проблем и вся техника знаний оправдана в нас при условии овладения ей до... инстинкта. Смысл, венчающий знания, — часто смысл инстинктивный, уподобляемый движенью руки, подчиненной ударам танцующих ритмов.

Если мысли о жизни, внушенные знанием, не сочетаемы с координацией нервов и мышц организма общественной жизни, то и знания наши не переводимы никак в акты жеста общности; мало знать, мало думать и видеть; надо знать тайну влиться безмускульной, теоретической мысли в конкретные мускулы; иначе — невозможны бы были движения нашей руки.

Теоретические положения, платформы и лозунги не имеют значения вне сочетания их; а сочетание — в нас; импровизация сочетаний, талант сочетаний, лишь он вносит смысл в непрерываемое научное положение; повешенное на стенке, оно напоминает нам мысль о движении, вынутую из организма движений.

В таком положении оказались многие теоретики общественных (революционных и эволюционных) течений; их теории не влились в мускул жизни; и когда революция развернула свой бег, то одни из них умопостигаемо побежали, быть может; конкретно же оказались вне бега; другие, уже победив и увидев канаву, естественную во всяком пути, не сумели мгновенно переменить темпы сжатия мускулов; их прыжок оборвался: попали в канаву они; или же: остановились с брюзжанием у края канавы.

Смысл их знаний — вне жизни. Смысл их знаний, оторванный от конкретного смысла, подобен: оторванной мышце от мысли о мышце.

4

Человечество связано с миром; поэтому: проникание мира — условие смысла; если этого условия нет, человек — мировой идиот; а организмы — вагоны летящего поезда; поезд — летит к катастрофе тогда; и все действия в нем — сумасшествия.

Знание — смысл имеет.

Вдохновенье деталями знания не противоречит велению, чтобы сумма деталей слагала нам смысл.

Революционные деятели, ставшие у кормила правления, связаны с революционным народом; поэтому: в умении проникать волны жизни, несущей их вверх к возглавлению государства — их смысл, как людей государственных; если этому условию не удовлетворяет правительство, то сознание страны есть сознание идиота; страна, организм, выражает себя вне-сознанием: сумасшествием действий.

Вдохновенье деталями государственной жизни подчиняемо вдохновению конкретного народного творчества. Только временно отвлекаемся мы от конечной осмысленности.

Машинисту нет времени думать о Петрограде; и он — наблюдает: движение рельсовых стрелок; но сумма его наблюдений — осмысленна: поезд бежит в Петроград.

Соединиться с источником смысла — задание наше.

Наше знание законов общественной жизни не соединилось во многих из нас с многообразным ритмом общественных струй, закипевших стремительно в революции русской; государственное строительство недавнего прошлого, проводя абстрактные принципы в жизнь, уподобилось человеку, стремительно выводящему буквы закона на белом листе и не заметившему при этом, что перо у него обломалось; начертание букв его мысли, допустим, и верно: беда только в том, что начертание это не перешло на бумагу.

Писали бумаги, забыв, что Россия осталась неисписанной; ничего не вписалось в нее из бумажного творчества. И заключили отсюда: Россия-де — *tabula rasa*.

5

Наше знание законов общественной жизни — абстрактно; и разделяет оно участь всякого абстрактного знания: быть законченным «знанием *в себе*», не пересекающим ни в одном пункте жизни.

Соединение человека и мира — исходная точка рождения знания; выпадение части вселенной (сознания) из жизни других, неотъемлемо важных частей, нас приводит к исканию нового соединения с миром: это новое соединение познания с жизнью есть *смысл*.

Наше «точное знание» в XVII-ом, XVIII-ом, XIX-ом веке — предел отпадения от первичного смысла; и оно же есть пункт поворотный к исканию смысла конечного для конкретной действительности; мы ушли от первичного смысла, от данности мира к многообразию методических оформлений его; совершенно естественно, что в методике улетучился смысл слова жизни; вместо цельного слова «*любовь*» — только звуки алфавита: л, ю, б, о, в, ь. Слагать звуки смысла в слова должны в знании мы.

Завершения знания не захотела мысль века; завершения этого нет и в общественной мысли; в революции русской огромное слово «*любовь*» распадается в нашем сознании хаосом расставленных знаков: ь, в, о, б, ю, л...

Наше научное знание долго видело смысл в описание природы; предполагалось при этом: в природе — нет смысла. Мерию удаления от смысла является: теоретичность его. Теоретический смысл есть бессмыслица.

Нам природа сперва — омывающий ласково воздух, которым мы дышим, который мы ведаем всем существом — изнутри; природа нам после: тяжелые камни, лишённые смысла; уразумение их — в раздробление ударом кирки; внутренний органический путь усвоения (легкие) подменяется грубо внешним: путем раздробления (киркой).

В остервенелом стремлении обуздать, раздробить, подчинить, изнасиловать прорезаются смыслы абстракций нам данной науки. Смысл слагается из осколков: моделью механики.

Механическое представление о смысле (что он есть машина) нам смысл убивает.

Мы ушли от истоков великого Гуманизма; Возрождение поднимает нам значимость человеческой личности под личинами искажений своих; свобода индивидуального проявления понимается остро; но применения этой свободы превратны: ребенок, увидев зарю за окном, неосмысленно тянет к ней руки, смеется заре; он исполнен зарей, хочет взять ее в руки; и — прикасается к холодной поверхности неживого стекла. Озарение человеческой личности есть в Возрождении; воплощения человеческой личности в Возрождении — нет; выявление гуманизма хладится в «либерализме»; «либерализм» — суррогат гуманизма: стекло — не заря. Естественное преодоление либерализма уподобляемо действию, уничтожающему преграду (стекло): удар кулака по стеклу разбивает стекло; и оно осыпается множеством мелких осколков. Преодоление единообразно-абстрактного взгляда на мир в многообразии методических освещений философию делит в науках; соответственно: сознание свободного единого человека в марксизме раздроблено: в многообразии состояний сознания классов.

Но методы — буквы; умение слагать смыслы из букв — вот задание новой науки; умение выявить из-под классовых рамок зерно неделимого Человека, живущего в классовых «человеках», приближает по-новому нам задания Гуманизма; отвлеченная идеология либерализма и «материалистическая» концепция Маркса пресуществляются в новых заданиях грядущего: выявить безусловно-свободную личность в безусловно-свободных своих проявлениях (в любви).

6

«Я взошел на каменные ступени, ведущие к деревянным, из дерева сложенным и покрытым краскою соприкасающимся плоскостям, именуемым дверью; пальцем я надавил на сидящую в углублении пуговку»... и т. д. — романист так не скажет; он скажет: «Взошел на крыльцо: позвонил». Но ученый так именно живописует природные факты. «Романа» с природою нет у него: ее знает извне он.

Наблюденье такое природы возможно в период, когда вся она обернулась явлением: убежав из души, *нам предстала («явилась») как призрак.*

Наблюдение, описание, классификация убежавшей от нас части нас, теперь явленной перед нами, как призрак, — защитный наш жест: от вторженья бессмыслицы в аккуратно размеренной «буржуазной» действительности.

Природа — двойник; встреча с нею для комнатного сознания есть ужас; от ужаса мы — закрываемся стенами: наблюдение, описание, классификация есть стена; но за стеной ждет *двойник.*

Современные *«опыты»* часто — бои с двойниками; разнообразие опытов истерзало на части явление природы; отношение наше к нему — точно к телу врага, по которому мы бьем мечом; и итоги дробленья — кусочки действительности; мы их прячем в темницы: музеев и спиртовых препаратов; номенклатура научных понятий — градация камер тюремного замка природы; боги, демоны, души, тая свои лики в вуалях стихий, истомились в гробах: в классификационных системах; мы заключили стихии духовных существ в паровозных и паровозных котлах, в динамите и порохе; неудивительно: боги, демоны, души разбили оковы; и — расплозаются вокруг нас: страшным миром машин; демоны, от которых оторваны мы и с которыми мы столетия боролись, терзая их груди киркой, повосстали вокруг нас — не из пены морской (как бывало): горластыми жерлами пушек из волн раскаленного металла восстали они; и устались жерлами на вчерашних тюремщиков.

Появились фаланги подводных *драконов*; и, разрастаясь, на нас понеслись: *гидры* газовых волн и *химеры* воздушных угроз — цепелинные и аэроплан-ные стаи; «божества» разложили мы в *«силы природы»*; но они, «божества», приготовили нам свою страшную месть: в демонических *«силах природы»* давно разлагаемся мы; нас «бактерии» проникают; Венера нам мстит «венерической» страшной болезнью; и алкогольными ядами отравляет... Дионис.

Дракон?

Стародавний дракон угрожал иногда человеку; современный — подводная лодка — жрет тысячи.

Вот что значит бессмысленно обращаться с божественной силой природы; вот что значит законы ее подменить: механизмом машин.

7

Наблюдение, описание, классификация фактов общественной жизни, ведущее к установлению позитивнейшей эволюционной действительности (отрицающей революционную жизнь), возможно в период, когда «человек» убегает из поля сознания нашего, подменяя себя... статистической единицей.

От кипящей стихии общественности отражались давно идеологи общественной эволюции колонками успокоительных статистических цифр; статистический крап на обоях спокойнейшей комнаты (книги), в которой хотели устроиться мы (точно мертвой цифрой в странице), — статистический крап разорвался вокруг нас в закипевшей волне революции; в классификацию конституционных систем захотели мы уложить, точно в гроб, нашу родину; мы хотели его заключить в паровозных котлах, нужных нам для скорейшего доставленья на фронт «революционного мяса» в виде душ, обреченных на гибель; в творчестве динамита и пороха (для сокрушения врага) захотели изжить революционное творчество нации; заостреньем военных штыков мы возжаждали заострить революцию; неудивительно: паровозы вдруг стали; штыки — расплозились по России; и повернулись — на нас.

Революционное вдохновение нации обложили политики и железом и сталью; удивительно ли — «отрешимся от старого мира» пропели не груди людей, а — чугунные пушки; революционное вдохновение осенило и их; вот что значит бессмысленно обращаться с божественным человеческим вдохновением: с песнью любви и свободы; законы любви теоретики материалистического взгляда на жизнь подменили законом механики; мир божеств, заключенный в чугунные пушки, на них повернулся: чугунную пушкой. И не нотами «Марсельезы», а ядрами «Марсельезы» революционная жизнь осуществила себя.

8

Русла наук, отрешенных от смысла, суть гидры; и Гераклы — мы! — тщетно боремся с ними; губя главы гидры, мы множим змеиные главы; так пятимся мы, отступаем от смысла — в двусмыслие, многосмыслие, тысячесмыслие бессмысленных смыслов, пока не поймем: в тысячесмыслии понятийных смыслов положены жесты текучего смысла: конкретной действительности.

Этого мы не поняли. И оттого пребывали в стремлении мы: разорваться — во что бы ни стало; и — взорвать: что бы ни было; только — побольше взорвать: площадь, местность, страну, землю, мир.

Сами мы превращаемся... в бомбу; и бомба бомб — голова; в ней раздувшийся до мирового «всего» и вдруг лопнувший идиотический мозг — нами принятый смысл: «здравый смысл»...

Русла наук, отрешенных от смысла, — утопили нам цельность заданий науки в многообразии технических приложений науки к корыстным стремлениям жизни; мы, умножая потребности плоти, запятелились от конкретного смысла любви, человечности, братства — в двусмыслие, многосмыслие, тысячесмыслие политических, государственных, экономических целей; в тысячесмыслиях механической, капиталистической жизни разорвалось человечество миллионами неслиянных частей: эгоистических «я»; «я» отдельных частей «человечества» изживало себя в совершенно безумном стремлении — взорвать: что бы ни было; только — побольше взорвать: площадь, местность, страну, землю, мир; мировая война есть венец материального взгляда на мир; в ней тот взгляд упраздняется; материальные ценности, превращаясь в пороховые заряды, развеиваются в пространство; и — растворяются в воздухе; кусок хлеба насущного обернулся вдруг в бомбу: поля незасеяны; бомбы — летают.

Но бомба бомб — голова человека — уже на себя повернулась: взорвать оболочку свою — здравый смысл и «рассудочную культуру», приведшую нас... к катастрофе; мы теперь ясно видим: рассудочный смысл, в нас раздувшись до мирового всего, разлетелся на части.

Кровь из сердца нам бросилась в анемичный, рассудочный мозг; искры вспыхнули; высекаем мы свет из очей.

Будет день: Солнце Духа, взойдя в сердце нашем, протянется из очей наших светлыми и отразится на зеркале небосвода: восходом огромного Солнца; о нем сказал Ключев:

А красное Солнце — миллионами рук
Подыдем над миром печали и мук.

Человечеству суждено разорваться, если оно не поймет, что в металлах закованы «*души природных существ*», освобождение их — переплавка продуктов природы из пушечных жерл в храмовые потиры:

В потир отольются металлов пласты,
Чтоб Солнца вкусили народы-Христы.

В миг разрыва в нас «здорового, материального смысла» восходит заря; Солнце Разума подымается в нас!

Печатается по единственной публикации: Наш путь. 1918. № 2, май. С. 119–133. Исправлены пунктуационные неточности (прежде всего отличное от современной нормы выделение причастных и деепричастных оборотов), выделение кавычками номеров веков в 5-й главке статьи «Революция и сознание современности» («XVII-ом, XVIII-ом, XIX-ом»; по-видимому, кавычки должны относиться к стоящему перед этим выражению «точное знанье»).

Полный автограф неизвестен. Большая часть главки 7 статьи «Весенние мысли» — предисловие к неосуществленному сборнику «Кризис сознания» с авторской датой 21 апреля 1917 г. (автограф: ОР РГБ. Ф. 25. Карт. 4. Ед. хр. 1. Л. 3); издано как предисловие к «О ритмическом жесте» (Белый А. К вопросу о ритме; К будущему учебнику ритма; О ритмическом жесте; Ритм и смысл / Публ. С.С. Гречишкина, А.В. Лаврова // Труды по знаковым системам. XII: Структура и семиотика художественного текста. Тарту, 1981. С. 112–146), для «Весенних мыслей» незначительно отредактировано, затем включено в финал статьи «Кризис жизни и творчества» (Жизнь. 1918. № 38, 9 июня (27 мая). С. 3).

На перевале — название авторской рубрики, в которой Белый печатал цикл очерков и рецензий в журнале «Весы» в 1906–1909 гг.; всего под этим заголовком в те годы вышло 15 статей (в самих «Весах» нумерация их перепутана). Печатая «Весенние мысли» и «Революцию и сознание современности», Белый возвращается к этому обозначению, затем берет его общим названием к циклу «Кризисов» для С.М. Алянского и издательства «Алконост», работать над которым он начал летом 1918 г., через месяц или два после «Весенних мыслей».

I. ВЕСЕННИЕ МЫСЛИ

На городских площадях бьют вулканы... — ср. в писавшихся одновременно «Записках чудака»: «Это и есть гибель мира; смотрю: окна класса багровые; и — вбегает толпа восьмиклассников, всем объясняя, что — да: на огне; на Садовой открылись вулканы: пожарные части Москвы проскакали туда» (Белый А. Записки чудака. М.; Берлин: Геликон, 1922. Т. 1. С. 178–179).

В пересечении линии распространения толчка стремились угадывать центр удара подземного... — впоследствии Белый трактовал всю историю как эффект нескольких «сейсмических толчков» (см. схему: *Мой вечный спутник по жизни. Переписка Андрея Белого и А.С. Петровского: Хроника дружбы / Сост. Дж. Малмстад. М.: НЛЮ, 2007; вклейка*).

Революция, Милоков, коалиционное министерство; и — Керенский, облетающий необъятное пространство России... — П.Н. Милоков (1859–1943) — лидер Конституционно-демократической партии, «кадетов» (после Февральской революции самой правой партии из оставшихся в правительстве); во время Первой Мировой сторонник «войны до победного конца»; неоднократно говорил о требовании передать России после победы Стамбул («Царьград») и контроль над «проливами» (Босфором и Дарданеллами). Во Временном правительстве министр иностранных дел, впоследствии принципиальный сторонник вооруженной борьбы с большевиками; во время публикации «Весенних мыслей» находился на Дону с Добровольческой армией Деникина. «Коалиционное министерство» — кабинет министров, созданный в мае 1917 г. первым главой Временного правительства князем Львовым под давлением социалистических партий; А.Ф. Керенский (1881–1970) — глава Временного правительства с июля 1917 г. Под «облетанием России» Белый, видимо, имеет в виду широко освещавшиеся прессой поездки Керенского летом 1917 г. по фронтовым частям или даже не конкретно их, а необычайный всплеск его популярности весной — летом 1917 г. в целом.

Вместо России недавнего прошлого — десять «Русей»... — речь о распаде Российской империи. Зимой 1917 — весной 1918 г. заявления о независимости ее бывших областей следовали по несколько раз в месяц.

В революции — революция... — т.е. не столько «Октябрьская революция в Февральской», сколько «уничтожение результатов Февральской революции прогрессирующим распадом единой государственности».

Погубила Россию она. И Россия — рассыпалась хаосом... Так кажется многим... — подробнее о распаде российской государственности как возрождении см. в статье Белого «Священная Россия» (Россия. 1918. № 1, 7 июня. С. 5–7).

О, Родина, / Мое Русское поле... Свет за горами... — цитата из стихотворения С. Есенина «Певущий зов» (апрель 1917 г.). Впервые опубликовано в петроградской газете «Дело народа» (1917. № 86, 28 июля), затем перепечатано Ивановым-Разумником во втором сборнике «Скифов» (Пг., 1918. С. 22–24) вместе с «Песнью солнценосца» Н.А. Клюева, которую Белый цитирует в конце «На перевале», и статьей самого Белого с тем же названием; этот блок открывает сборник и, таким образом, представляет собой своего рода манифест отношения «скифов» к революции. В заключающей второй сборник «Скифов» статье «Две России» (написана в ноябре 1917 г.) Иванов-Разумник так характеризует «скифскую» лирику Есенина и Клюева: «...они слышали “певущий зов” нового благовестия — и воспели рожденную в вифлеемских яслях русскую революцию» (Скифы. Вып. 2. Пг., 1918. С. 202); и далее: «К старому возврата нет: “Она загорелась, звезда Востока! Не погасить ее Ироду кровью младенцев”... Не погасить; но и нам — не изменить предначертанного мировой истории крестного пути возрожденного народа к новой исторической Голгофе» (Там же, с. 218). Затем Иванов-Разумник перепечатывал «Певущий зов» вместе с другими стихами Есенина и Клюева в сборнике «Красный звон» (Пг.: Изд. т-во «Революционная мысль», 1918. С. 36–38) и в эсеровской газете «Знамя борьбы» (1918. № 35, 28 апр.).

Обосновывать ли марксизм при помощи Авенариуса или Гегеля... — речь о полемике В.И. Ленина с А.А. Богдановым (1873–1928); в ответ на книгу Богданова «Эмпириомонизм: Статьи по философии» (Кн. 1–3. М.: С. Дороватовский и А. Чарушников, 1904–1906) Ленин написал свой «Материализм и эмпириокритицизм: Критические заметки об одной реакционной философии» (М.: Звено, 1909), ставший впоследствии основополагающим трудом советского официального марксизма.

Человек смертен... Я — человек... Следовательно: я — смертен... — пример правильного аристотелевского силлогизма (биологический вид в «большой посылке», его представитель в

«малой», вывод — свойство вида свойственно и представителю), для Белого и его читателей ассоциирующийся, скорее всего, с рассказом Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича»: «В глубине души Иван Ильич знал, что он умирает, но он не только не привык к этому, но просто не понимал, никак не мог понять этого. / Тот пример силлогизма, которому он учился в логике Кизеветера: Кай — человек, люди смертны, потому Кай смертен, казался ему во всю его жизнь правильным только по отношению к Каю, но никак не к нему. То был Кай-человек, вообще человек, и это было совершенно справедливо; но он был не Кай и не вообще человек, а он всегда был совсем, совсем особенное от всех других существо (...) И Кай точно смертен, и ему правильно умирать, но мне, Ване, Ивану Ильичу, со всеми моими чувствами, мыслями, — мне это другое дело» (*Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 26: Произведения 1885–1889 гг. М.: ГИХЛ, 1936. С. 128). «Логика» кантианца Иоганна Готфрида Кизеветтера (1766–1819) издавалась по-русски в 1829 и 1831 гг. и к концу XIX — началу XX в. вряд ли применялась в учебных заведениях. «Кай» — устаревшее правописание римского имени «Гай».

Впервые в элейцах... — имеется в виду философская школа элеатов (Ксенофан, Парменид, Зенон Элейский); см. понимание Белым ее места в истории философии подробнее: *Белый А.* На перевале. II: Кризис мысли. Пб.: Алконост, 1918. С. 28 и далее.

В «железную даму»... — имеется в виду «железная дева», орудие пытки.

Из свободного соединения монад... — о мире как свободно совершенствующемся комплексе монад говорит философская система отца Белого, Н.В. Бугаева: «Монады бывают первого, второго, третьего порядка и т. д. Монады второго порядка могут образовать монаду первого порядка. (...) Символическими примерами монад различных порядков могут послужить следующие единицы: человечество, государство, человек — социальная монада, клеточка — биологическая монада, частица — химическая монада, атом — физическая монада, эфирный атом» (*Бугаев Н.В.* Основы эволюционной монадологии. М.: типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1893. С. 4–5; § 13, 14, 16). Ср. о связи идей Белого и монадологии его отца: *Каидзава Х.* Идея прерывистости Н.В. Бугаева в ранних теоретических работах А. Белого и П. Флоренского // Москва и «Москва» Андрея Белого. М., 1999. С. 29–44; *Силард Л.* «Новая математика» и «философия математики» в *Истории становления самосознающей души*: Аспекты аритмологии и комбинаторики // *Russian Literature*. 2011. Vol. 70. № 1–2. P. 137–157. У самого Белого о монадологии Бугаева см. также: *Белый А.* На перевале. II: Кризис мысли. Пб.: Алконост, 1918. С. 9 и след.

Ей имя София... — революционная утопия, таким образом, прямо отождествляется с софийным идеалом символизма. Понимание Софии как идеальной формы общежития апеллирует к книге Владимира Соловьева «La Russie et l’Eglise Universelle» (см., например: *Соловьев В.С.* Россия и вселенская церковь / Пер. с фр. Г.А. Рачинского. М.: Путь, 1911. С. 367, 444 и др.); из-за этого представления Соловьев и Белый сближали софиологию с представлением О. Конта о человечестве как «Великом Существо»: «Человечество Конта — современная маска “Софии”» (*Белый А.* На перевале. I: Кризис жизни. Пб.: Алконост, 1918. С. 94; § 49). Сопоставление восходит к речи Владимира Соловьева к столетнему юбилею Конта («Идея человечества у Августа Конта»); понимание Контом общего разума человечества как *le Grand Être*, «Великого Существа», сопоставляется им с пониманием Софии-Премудрости как идеального человечества. Эту идею и речь Соловьева Белый подробно обсуждает в главке 6 очерка «Die Anthroposophie und Rußland» (*Die Drei*. [Stuttgart]. 1923. № 4–5; перевод: *Белый А.* Антропософия и Россия / Пер. М. Безродного, Р. фон Майдель // Новое литературное обозрение. 1994. № 9. С. 168–181).

И не к проливам... плывем от проливов... — имеются в виду Босфор и Дарданеллы; на Босфоре, в Стамбуле, находится превращенный в мечеть храм св. Софии. Распад Османской империи в конце Первой мировой давал надежду на возвращение его христианам и даже конкретней — присоединение к Российской империи, что использовалось в военной пропаганде и в пропаганде многих партий, прежде всего кадетской.

Статуя Командора... — образ из пушкинского «Каменного гостя» и из стихотворения А.А. Блока «Шаги командора» (1910–1912); Белый активно использует его и в лекциях «Александр Блок в проблеме духовной культуры» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 91. Л. 54об., 58, 60).

Тишина Базельланда гремела... Эльзасом... — из находящегося под Базелем Дорнаха Белый вернулся в конце августа 1916 г. «Гремящая тишина» — название его очерка, вышедшего 15 марта 1916 г. (переиздан: *Белый А. Очерки 1916 г. для газеты «Биржевые ведомости» // Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны: политика и поэтика. Исследования и материалы.* М.: ИМЛИ РАН, 2013. С. 174–178), летом 1918 г. переработанного в книгу «Кризис жизни». До Первой мировой войны рядом с Базелем начиналась граница принадлежавшего тогда Германии Эльзаса с Францией, сразу ставшая ареной боевых действий; в буквальном смысле выражение «гремящая тишина» означает постоянный далекий звук канонад так называемой «Лотарингской кампании» Первой мировой войны, который был слышен в Дорнахе. С воспоминаний о Базельланде начинается и книга «Кризис культуры», и неопубликованный «Кризис сознания» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 64, 65).

«Да на Тверской... пулеметы»... — Белый описывает бои на улицах Москвы во время Октябрьского вооруженного восстания 1917 г. Ср. их описание в письме к А.А. Тургеневой: «В пятницу 27 октября вечером началась стрельба, а в субботу утром я пошел к Алеше Петровскому: вдруг на Пречистенке оружейная пальба; я был отрезан от дома 2 часа: говорили, что стреляли большевистские войска по Штабу; едва я перебежал Пречистенку и дошел до Никольского переулка, как всюду затрещала беспорядочная стрельба, неизвестно откуда; и вот: с субботы до пятницы, т.е. наш дом был отрезан от мира, потому что почти невозможно было выходить. Наш тихий Арбатский район оказался неожиданно одним из центров военных действий. Юнкера, ударные войска и белая гвардия расположились по Арбату, Поварской, Пречистенке и по району наших переулков, имея центром Кремль и Думу и Александровское училище, а войска революционного комитета и Красная гвардия наступали с Хамовник, Смоленского рынка и с Пресни (кажется); словом: наш Никольский переулок оказался границей; и даже дома перепутались: с Арбатских домов, кажется, стреляли юнкера, с Трубниковского переулка наступали большевики и т.д. Загрохотали пушки, залетали снаряды, стены дрожали от грохота» (*Malmstad J.E. Andrej Belyj at Home and Abroad (1917–1923). Materials for a Biography // Europa Orientalis.* № 8 (1989). P. 437).

Забаррикадированные ворота четырехэтажного дома арбатского переулочка... — ср. в поэме «Христос воскрес»: «Обороняясь от кого-то, / Заваливает дровами ворота / Весь домовый комитет (...) Злая, лающая тьма / Прилегла — / Нападает / Пулеметами / На дома, — / И на членов домового комитета» (*Белый А. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. А.В. Лаврова и Дж. Малмстада.* СПб.; М.: Академический проект; Прогресс-Плеяда, 2006. Т. 2. С. 20–21).

II. РЕВОЛЮЦИЯ И СОЗНАНИЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Исконность стремлений, рождающих знание... — критика кантианской гносеологии — постоянная тема Белого с конца 1900-х до начала 1920-х гг. Из хронологически близких работ необходимо назвать трактат «О смысле познания» (Пб.: Эпоха, 1922), написанный весной 1917 г., после Февральской революции, лекцию «Свет из грядущего» (ОР РГБ. Ф. 25. Карт. 3. Ед. хр. 14) и статьи в газете «Жизнь» — «Верное знание», вышедшую почти одновременно с «Революцией и сознанием современности» (1918. № 10, 4 мая (21 апр.). С. 2), и «Жизнь» (1918. № 14, 12 мая (29 апр.). С. 3).

Поезд бежит в Петроград... — об образности поезда см. выше. Поезд в «Записках чудака», из описания которого возникла значительная часть «Христос воскрес», едет именно в Петроград.

Государственное строительство недавнего прошлого, проводя абстрактные принципы в жизнь... перо у него обломалось... — образность романа «Петербург», главный герой которого, Аполлон Аполлонович Аблеухов — крупный имперский бюрократ.

Воплощения человеческой личности в Возрождении — нет... «либерализм» — суррогат гуманизма... — о разочаровании в европейских наследниках гуманизма неоднократно говорится в «Кризисе жизни». В «Кризисе культуры»: «Возвращение к импульсам Ренессанса — залог зарождения новой культуры; возвращение к пирам его, к формам его есть падение в смерть. Ренессанс дал нам космос; но всякий космос в процессе создания вычеканивается из музыкально поющего хаоса; повторение космоса — олеография; повторение форм Ренессанса — попрание заветов его» (Белый А. На перевале. III: Кризис культуры. Пб.: Алконост, 1920. С. 44–45). О новом гуманизме, «гуманософизме» как необходимом для нормального развития строе мысли см. подробнее лекцию 1924 г. «Ритм и действительность» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 94. Л. 2).

Романист так не скажет... — тем не менее описания такого рода Белый неоднократно пробует в своей прозе; см. обоснование таких экспериментов в письме П.Н. Зайцеву (Зайцев П.Н. Московские встречи (из воспоминаний об Андрее Белом) // Андрей Белый. Проблемы творчества. М.: Сов. писатель, 1988. С. 574), где есть и нарочитый пример такой прозы, вместо названий предметов дающий их преувеличенно детальные визуальные описания: «*вылобилась и долбней, и дылней перепёра; и бурая там скребоварина; ребра — раскряк углоплитов (земля — многоплитица); вешнепышненье снесенных и вышних дубов; и расстрепанный облачный выползень ватую вест и исчерч процербленный; — и розовосерый, и серолиловый, омшеный слегка ржавозолотоватой шершавиною; где надпёра ореховоцветного рухи и грохи снеслись (размером с быков); дубы, буки стволами сигают в тот рух; окофеилась серость дороги; и щебень рассытался, точно зерно...*»

«Отрешимся от старого мира»... — «Отречемся от старого мира» — начало «Рабочей Марсельезы» (стихи народника П.Л. Лаврова), гимна России после Февральской революции (т.е. гимна Временного правительства).

А красное Солнце — миллионами рук... — эта и следующая цитаты — из стихотворения Н.А. Клюева «Песнь солнценосца», напечатанного с предисловием Белого во втором сборнике «Скифов» (Пг., 1918. С. 11–14); Белый цитирует их также в «Глоссолалии». Об этом стихотворении как о части скифского «манифеста» см. выше.

ПРИЛОЖЕНИЕ. ИЗ РАННИХ РЕДАКЦИЙ

ЧЕЛОВЕК

⟨...⟩

⟨2⟩

За истекшие месяцы разнообразье программ и платформ, резолюций, проектов, трудолюбиво продуманных в кабинетах и оглашенных крикливо на митингах, уничтожив в сознании друг друга, уничтожили в нас волю к жизни: уничтожаем друг друга; мы стоим под звоном разбившихся, стальных, остекленелых абстракций; осколки, вонзаясь в тела, обагрили Россию; и грудами трупов ответила жизнь на задание установить движение государственной жизни по образу и подобию передвижения силлогизмов у нас в головах: партийные, мертворожденные силлогизмы не дали нам радости видеть вос-

стание созидающей жизни; а стали они дефилировать... вооруженными толпами.

Мысль — опаснейший динамит: он сметает по всем направлениям жизни людские пространства и времени; попытка насильственно закрепить отвлеченную казуистику, философию войны... *для проливов, войны... ради мира*, естественно, привели лишь к... народному взрыву; неврастенический мысленный ход при попытке его закрепить пулеметами совершенно естественно кончился тем, что над крышами городов залетал... град шрапнелей... предупреждающие голоса вопияли в пустыне: в тени кабинетов ученые головы продолжали стрелять ядовитыми пулями лживо-созданных мыслей, построенных в противоречии с волей народной; неудивительно: в кабинетные стены внезапно влетела шрапнель. Очень многие восклицали тогда: «Всё распалось...»

Но — ничего не распалось: распалась стена кабинета; распалась абстракция в голове обитателей стен; или — *«царь в голове»*: царя многие свергли для виду; и тотчас же, прияв внутрь, утвердили его у себя в голове; умопостигаемый царь о насколько опасней вещественного! Рассудок, стреляющий пушкой, ведь и есть — Сатана!

3

Точка нашего зрения — единство абстрактного взгляда на жизнь — где она? В нас проносятся множества атомов — импульсов, недоумений, догадок: в атомистическом множестве столкнутых партийных программ перейдены грани мысли; мы стали безгранны, безмысленны, безрассудочны; но это всё оттого, что сквозь разбитую цельность фальшивого взгляда на вещи пробиваются юные зелены безграничных возможностей: страшно нам: кабинетные стены развили в сознании нашем боязнь пространства; и небо, которое нам открылось, спешим закоптить мы тяжелой копотью производимых абстракций; века оседала та копоть на нас; и всё, что мы видели, было лишь копотью, оплотнением копоти на поверхности форм; да, мы мира не видим в мире; и появление мира из дыма (рассудочной копоти) произвело впечатление: гибели мира; мировая война, революция, социальное плавление форм — только стадии снятия копоти; но в этой копоти видим мы *всё что ни есть*. Кризис кризисов волит убить недействительность; нам же кажется: кризис кризисов убивает и нас.

4

Вспоминаю невольно я время, когда слушал я громыхавшую тишину Базельланда, которая двадцать месяцев сопровождала меня: в мертвом беге часов.

Двадцать месяцев протекло с той поры. И гремящая тишина продолжает-ся; но смысл изменился; я помню: в тупой тишине провинциальной жизни

гремели нам издали пушки; в Москве же гремит где-то под боком; возвращаемся вечером: по Никитской к Садовой, вдруг грохнуло гулко:

— Где это?

— На Тверской.

— Пулеметы?

— Нет, бомба...

Печатается по автографу: ОР РГБ. Ф. 25. Карт. 3. Ед. хр. 12. Л. 2об.–3. Главки 2 и 4 переработаны, соответственно, в главки 3 и 9 статьи «Весенние мысли». По фразе «двадцать месяцев протекло с той поры» (как автор был в Базельланде) датируется весной 1918 г. (считая с отъезда из Дорнаха в июле 1916 г.). С главки 4 Белый начал впоследствии книгу «Кризис жизни».

Человек... — так же называлась неосуществленная «повесть XXV века», введение к которой Белый написал в начале 1918 г. (см. выше). Публикуемый набросок, по-видимому, тоже мыслился как введение к чему-то.

Продуманных... — в рукописи описка: *протуманных*.